

В. В. КИНОГРАДОВ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
СРЕДНЕЙ КУБАНИ

Армавир — 1993

Небольшая книга, подготовленная профессором, доктором исторических наук, заслуженным деятелем науки Российской Федерации Виталием Борисовичем Виноградовым, представляет собой первую в вузовско-школьной практике специальную историко-краеведческую разработку по дореволюционному прошлому Средней Кубани.

Ее издание посвящается двум знаменательным датам: 210-летию основания Российского укрепления Прочный Окоп (1784 г.) и 200-летию линейной казачьей станицы Прочноокопской (1794 г.), сыгравших выдающуюся роль в истории устройства в границах России этого участка Кубанского побережья, в становлении города Армавира и широкой тесно связанный с ним округи.

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Приехав в город Армавир на постоянную работу, я очень скоро осознал крайне печальный факт — почти полное отсутствие какой-либо доступной читателям историко-краеведческой литературы, которая хотя бы в малой мере отражала современный уровень научных знаний соответствующих проблем или их конкретных вопросов. Об этом свидетельствовали краеведческие отделы библиотек как самого города, так и «куста» окружающих его районов (Новокубанский, Успенский, Курганинский, Отрадненский, Мостовской), связанных во многом общей исторической судьбой. Это дружно признавали учителя истории и литературы, с которыми не раз пришлось встречаться на семинарах, «круглых столах», да и индивидуально — в школах нашего микрорегиона. Хуже всего, что и нынешние наборы студентов-гуманитариев Армавирского пединститута и широкий контингент старшеклассников общеобразовательных школ также лишены сколько-нибудь реальной возможности восполнить чтением историко-краеведческие «прорехи» в своем образовании.

Такое положение дел нетерпимо и нуждается в немедленном исправлении. Это отлично поняли те государственные структуры просвещения, на чьи «плечи» ложится задача гармоничного воспитания подрастающих поколений наших земляков. В Армавирском госпединституте с 1992/1993 учебного года на всех факультетах вводится учебный курс «История Кубани (с элементами краеведческих дисциплин)», создан и приступил к активной работе историко-краеведческий студенческий кружок. В свою очередь, Армавирский институт усовершенствования учителей предложил учителям истории программу факультативного курса «История населения бассейна р. Кубани (преимущественно на материалах Среднего Прикубанья)». Основной состав городской и районной прессы («Армавирский собеседник», «Свет маяков», «Рассвет» и другие газеты) вводят новые регулярные рубрики: «Знай и люби свой край», «Страницы былого в истории района», «Наши соседи и земляки» и т.п., посвященные краеведческой проблематике.

Предлагаемое пособие родилось, суммируя все эти формы работы. Некоторые ниже следующие этюды разработаны и написаны с участием студентов-краеведов, учителей школ и вузовских преподавателей, что отражает стойкую убежденность основного автора в необходимости приобщения к творческой историко-краеведческой работе как можно большего числа из тех, кто профессионально и по собственной склонности пред назначен для краеведческих изысканий и пропаганды их результатов в широкой читательской среде.

Разумеется, что всем, кто причастен к подготовке этого пособия будет интересно и полезно узнать мнение читателей о нем, а также получить замечания, пожелания и дополнения, которые могли бы усилить качество первых историко-краеведческих разработок, адресуемых прежде всего преподавательскому корпусу и учащейся молодежи.

ТАЙНЫ МИНУВШИХ ВРЕМЕН

Территория Средней Кубани богата самыми разнообразными памятниками далекого прошлого. Первые следы пребывания здесь людей относятся еще к каменному веку. В последующие тысячелетия на равнинах, берегах рек, возвышенных грядах тех районов Краснодарского края, что окружают город Армавир, зафиксировано огромное количество курганных и грунтовых могильников, стоянок, поселений, укрепленных городищ, святилищ и калиш всех периодов местной истории.

Когда знакомишься с ними, невольно всплывают в памяти строки поэзии Ильи Сельвинского — хорошего советского поэта, чья личная судьба оказалась в годы Великой Отечественной неразрывно связана с Прикубаньем:

Бывают края, что недвижны веками,
Зарывшись во мглу, да мох...
Но есть и такие, где каждый камень
Гудит голосами эпох,
Где и версты по горам не проехать,
Не обогнать мыс,
Чтоб скальная надпись иль древнее эхо
Не пробуждали б мысль...
Чтобы, пройдя сквозь туманы столетий,
Яснее дня становлясь,
Вдруг величайшая тайна на свете
Не окликала вас...

...Придет время и наши земляки, интересующиеся археологическим прошлым родного края, смогут узнать немало подробностей на страницах специальных пособий. А пока в этой небольшой подборке краеведческих материалов вы можете познакомиться со сведениями о раскопках двух интересных объектов седой старины, которые были проведены в 1992 г. впервые, кстати сказать, за многие предшествующие годы...

«КУРГАН РАЗРЫТ...»

Долгие столетия высился на закубанской равнине этот курган, овеваемый всеми ветрами. Потом, примерно 150 лет назад, он попал в зону постоянно расширяющейся запашки в связи с возникновением неподалеку того хутора, а затем села, которое зовется Вольное (Успенский район). Старинная надмогильная насыпь стала активно разрушаться плужными лемехами.

А в наши дни курган оказался на территории, где малое предприятие «Тенволов» треста «Тенгизинтернефтегазстрой» возводит благоустроенный жилой поселок для своих тружеников. И вот тут-то древний могильник чуть было бесследно не исчез: по неведению строителей и невниманию местных жителей к незатейливому на вид памятнику былой истории и культуры курган был обречен на снос и изрядная часть его внушительной насыпи была уже уничтожена беззаботным ковшом экскаватора.

Но вмешались специалисты-археологи из г. Армавира, и обстоятельства круто переменились.

Не стоит описывать ход нелегких переговоров, в которых стокнулись две позиции: недопустимость, наказуемость любого разрушения памятников истории и культуры и растерянность организации, которая не предусмотрела в смете своих строительных работ финансирование археологического исследования кургана. В них было вовлечено немало ответственных и наделенных властью людей: глава сельской администрации Галина Мухтаровна Еременко, зам. главы районной администрации Николай Филиппович Кретов, руководитель треста Семен Яковлевич Сапожников, дирекция малого предприятия (Александр Леонидович Санин и Анатолий Евгеньевич Овечкин), ученые-археологи Армавирского краеведческого музея (А. П. Лопатин) и Армавирского педагогического института

(авторы этих строк), а также представители ряда заинтересованных организаций Армавира, Краснодара, Ростова, Москвы. Итог обсуждений удовлетворил обе стороны, лишь у производственников оставались сомнения, высказанные при подписании договора о финансировании полных научных раскопок кургана: «А вдруг это все же природный холм, а не древний могильник?» Археологи отвечали: «Дадим, если надо, письменную гарантию об отказе в этом случае от выделенных и уже использованных средств!»

Убежденность специалистов питалась не только опытом подобных исследований, но и тем очевидным фактом, что пострадавший могильный холм вписывался в цепь курганов, известную ученым еще в начале нашего столетия. Так, в пределах видимости находится и тот огромный (более 10 м в высоту!) курган, что накануне Первой мировой войны стал раскапываться экспедицией петербургского профессора Н. И. Веселовского, но не был «осилен» ею.

Однако, разумеется, только раскопки могли рассеять все сомнения. Они и начались с первых дней августа: с применением техники (бульдозера) и с каждодневным увлеченным участием студентов Армавирского пединститута. Каковы же первые их результаты?

Курган на северо-западной окраине Вольного в его нынешнем виде достигает почти трех метров в высоту и выше пятидесяти метров в диаметре. Сам объем земляной насыпи, сконструированной нашими древними земляками, предвещал наличие в ней нескольких захоронений. Так оно и оказалось: в разрезе кургана четко прослежены три строительных горизонта.

Самый поздний из них связан с захоронением примерно 2-тысячелетней давности. Покойник лежал вытянуто, на спине, головой к востоку в некоем подобии деревянного гроба. Бедным было это захоронение: фрагмент проржавевшего железного предмета, скучные остатки заупокойной пищи — вот и все, чем был снабжен умерший для «продолжения жизни на том свете». А вот одна деталь похоронного ритуала исключительно интересна: захороненный мужчина перед погребением был подвергнут ритуальной ампутации обеих ступней. Подобные жестокие «процедуры» совершились с бесправными, социально подвластным населением (рабами). И точно такая же картина наблюдалась тем же летом в ходе широких раскопок могильника последних веков до новой эры у станицы Прочноокопской.

Примерно 1.700 лет ранее времени этого погребения Вольненский курган был использован как кладбищенский холм для нескольких погребений так называемой катакомбной культуры среднебронзового века. Наименование свое культура получила по характерным признакам могильных сооружений-катакомб: глубокая «входная» яма прорезала сверху вниз курганную насыпь, а затем в бок от ее дна выкалывалась как бы подземная комната (погребальная камера), куда и помещался покойник. «Катакомбники» были уже хорошо знакомы с имущественным и общественным неравенством. Они были скотоводы-кочевники, и наиболее богатых и знатных соплеменников хоронили в отдельных («персонально» сооруженных для них) курганах.

А «впускные» могилы, такие, как те пять, что расчищены в Вольненском кургане, обычно бедны, но выразительны. Скелеты людей в них окрашены в красный цвет — след того, что умерших посыпали природной краской — охрой, как бы очищая их от всего дурного. И в каждом погребении находилась лепная посуда для заупокойной пищи. Пестрые по составу глины сосуды разных форм причудливо орнаментированы, являя собой своего рода образцы древнего искусства.

Каждая из вновь открытых могил привлекала внимание и строителей, и жителей села, и проезжих (раскапываемый курган находился в нескольких десятках метров от автодороги Армавир — Успенское). И все посетители раскопок ждали сенсации: каких-либо особенно выдающихся находок. Ждали их и археологи, втайне (для себя) и наяву (для гостей раскопок) вспоминавшие прекрасные стихи Ивана Бунина, написанные под впечатлением личного знакомства с научным исследованием одного из курганов России:

Курган разрыт... В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж: железный меч в руке;
Над ним поют узорной вязью саги —
Беззвучные, на звучном языке...
Но лик сокрыт: опущено забрало,
Но плащ истлел на ржавленной броне...
Был воин, вождь, но имя — смерть украла
И унеслась на черном скакуне...

Однако с сожалением приходится признать, что финал вольненских работ мало напоминал ту картину, которую обрисовал великий русский поэт. Последние три захоронения, не исследованные в могильной насыпи, оказались едва ли не на-

чисто разграблены в давние века; возможно даже сразу, после похорон.

Входные коридоры и контуры могильных ям-катаомб «чинались» в разрезе курганных «брюк» и в «нижнем грунте» вполне четко, как и следы грабительских лазов («дудок», как их называют), спланированных очень точно, прямо попадая в обвалившиеся после них погребальные камеры. Древние «мастеры» постарались на славу: от сопровождавших гокийников вещей остались лишь жалкие остатки (фрагменты характерной лепной глиняной посуды и отпечатки каких-то, ныне уже неопределенных бронзовых предметов). Останки погребенных людей были выброшены и только отдельные кости скелетов сохранились на месте.

Последние надежды археологи связывали с основным, центральным погребением. Его размеры и контуры (подтреугольной формы, с закругленными углами, 2,2×2,1 метра) вселили чувство ожидания, а сама могила уходила на глубину более 2 метров от уровня древнего горизонта. Вдоль северной стеки были расчищены несколько тщательно вырубленных в материковой глине ступенек, которые позволяли спустить прах умершего на самое дно могильной ямы.

Слой за слоем снимался грунт, пока не убедились — и эта могила была пуста, очищена начисто. Что поделаешь: далеко не всегда тяжкий труд археологов венчается зрячим успехом! По многим приметам самого характера погребального сооружения нам было ясно, что оно относится к самой заре эпохи бронзы, скорее всего к середине III тысячелетия до новой эры и связано с так называемой «майкопской культурой». Последняя получила свое название по типу Большого Майкопского кургана, раскопанного на рубеже XIX — XX веков профессором Н. И. Веселовским и обогатившего науку исключительно ценностями вещественными материалами. Можно только предполагать, что и вольненская вместительная могила таила в себе нечто выразительное и археологически значимое. Но что конкретно? Остается только гадать...

Пусть, однако, никто не подумает, что честно описанные разочарования хоть на малую толику поколебали специалистов в чувстве большого научного удовлетворения от того, что курган на окраине села Вольное не погиб под ковшом экскаватора, а был профессионально изучен и навсегда зафиксирован для отечественной науки. Если суммировать все полученные сведения, то они не столь уж и малы. На протяжении почти

пяти тысяч лет неоднократно и на разных этапах бронзового и раннегородского века использовался этот могильный холм, причем даже остатки старинных захоронений поведали о многом.

Но важнее, наверное, другое: на глазах многих, ранее не видевших ничего подобного людей, археологи произвели и доступным языком прокомментировали свои исследования, доказав, что невзрачный на вид, изуродованный человеческой деятельностью курган сохранил в себе многие черты ценного исторического источника. Приобщившись к некоторым тайнам было, сохраненным землей и веками, наши зрители и помощники стали иначе смотреть на окружающий ландшафт. То один, то другой строитель или сельчанин спешили поделиться своими наблюдениями и воспоминаниями о схожих курганах, которые они прежде видели, не придавая им никакого значения, в других местах Краснодарского края. Но самое главное, что в ходе раскопок, с помощью тех, кто хорошо знал окрестности, были выявлены еще по крайней мере три курганные насыпи, находящиеся неподалеку в зоне активной распашки.

Значит ли это, что нужно обязательно добиваться полных раскопок этих немых свидетелей прошедших эпох? Нет, ибо вопрос финансирования подобных работ решается нелегко и небезболезненно. Но археологи теперь обязательно добываются установления вокруг старинных могильников охранных зон, которые «выведут» их из распашки и севаоборота, спасая тем самым для будущих раскопок, которые обязательно состоятся!

И вот здесь-то следует коснуться еще одного вопроса. Сейчас по всему Краснодарскому краю проводится срочная и ответственная работа по инвентаризации всех без исключения памятников истории и культуры. Провести ее на территории Успенского района поручено краевыми правительственными структурами специалистам Армавирского государственного педагогического института. Им станут помогать краеведы, студенты, учителя и школьники. И тогда, в этом добром сотрудничестве, будет создана подробнейшая карта и необходимые описания всех объектов седой старины, которые еще видны сегодня на поверхности земли. И это будет означать, что все выявленные и зафиксированные должным образом памятники окажутся под охраной государства и никому никогда не будет позволено разрушать их без согласования с компетентными органами по охране исторического наследия на земле Кубани.

Тогда случай с Вольненским курганом, который чуть не погиб бесследно, больше уже не повторится!

НА КРУТОМ БЕРЕГУ

На южной окраине станицы Прочноокопской (Новокубанский район) располагается выразительный комплекс старинных памятников истории и культуры: обширное поселение, хорошо укрепленное рвами и валами городище с цитаделью, на висшей над крутизной кубанского берега, и могильники наших стародавних земляков. В прошлые десятилетия они изучались краснодарским профессором Н. В. Анфимовым, опытным армавирским краеведом Н. И. Навротским, получившими ценные научные материалы.

Минувшим же летом здесь проходила впервые в Армавирском пединституте учебная археологическая практика студентов-первокурсников вновь созданного исторического отделения местного вуза. Она была обеспечена договором о содружестве института и городского краеведческого музея.

Как это важно — полученные на лекциях теоретические знания об археологии — «науке о древностях» — дополнить личными впечатлениями от участия в раскопках! Будущие учителя воочию соприкоснулись с трудным, но захватывающе интересным процессом научного «прочтения» тех следов жизни и смерти предков, что бережно сохранила для нас земля.

Общая площадь раскопа перевалила за 300 квадратных метров. И когда изнурительные (особенно в жару) земляные работы были завершены и вся вскрытая площадь расчищена согласно требованиям методики, перед студентами открылась часть могильного поля, использовавшаяся обитателями кубанских берегов более 2.000 лет назад.

Сказать прямо: загадочная картина предстала перед археологами. На компактном участке могильника оказалось несколько погребений, в которых покойники были уложены вытянуто на спине. У всех у них перед помещением в могилы были ампутированы ступни ног, а у некоторых — кисти или пальцы на руках. Можно предполагать, что столь жестокий похоронный ритуал преследовал цель обеспечить вечную «привязанность» этих несчастных к захоронению своего владыки. Ведь похоронены тут мужчины и женщины из самых «низких» слоев местного общества (рабы, наложницы). Поэтому их могилы так бедны предметами, обычно сопутствующими покойникам во

времена так называемых языческих верований. Обломки глиняной посуды, фрагменты невыразительных железных вещиц, наконечник стрелы... И только у одной зрелой женщины, погребенной ближе всего к месту главного захоронения, оказалось ожерелье из красивых многоцветных бус, изготовленных в древнеегипетских ремесленных центрах стеклоделия и расходившихся по всему миру.

Кроме подневольных людей, погребены здесь и боевые кони. Причем вместе со скелетами пяти взнужденных лошадей лежал костяк молодого хищного животного (предположительно — медвежонка), убитого стрелой, железный наконечник которой обнаружен в грудной клетке.

Много ожидали от расчистки основного погребения. Но в глубокой, обширной яме не оказалось ничего (лишь в верхней части засыпки отмечены следы погребальной трины). Странное на первый взгляд обстоятельство имеет свое научное объяснение.

Такие захоронения называются «кенотафами» и представляют собой своего рода мемориальные сооружения. Если человек погибал в дальнем походе, на чужбине или в результате какого-то несчастного случая (например,тонул в реке) и его тело не было найдено и привезено родным, сооружались погребения-символы, чтобы душа исчезнувшего бесследно человека не была бы обделена вниманием и заботой близких на родовом кладбище.

...Многих студентов-историков увлекли раскопки, истинно творческий дух научных изысканий. Срок обязательной практики истек, а на Прочноокопском могильнике и в соседних поселениях и городище, вплоть до завершения всех работ, продолжали трудиться в свое каникулярное время Сергей Ктилов, Оля Силина, Люся Чернова, Лена Булгакова, Женя Домбровский, Саша Поляков, Лена Утко и другие. Не раз появлялись здесь и студенты, разъехавшиеся по домам в седине Армавир района, а также отдельные студенты-заочники первого набора на историческое отделение.

Ими руководила не только понятная любознательность. Немалая группа вчерашних первокурсников в ходе практики определила свои научные интересы, связанные с широким спектром историко-краеведческой проблематики. Они уже активно прорабатывают специальную литературу, полученную от старших коллег, знакомятся с районными книгохранилищами

и фондами музеев, делятся друг с другом своими первыми открытиями, сделанными в избранных для изучения темах.

А все вместе это значит, что учебная практика удалась! Она обогатила знания и чувства студентов, дала шанс испытать себя в ранее неизвестных им делах, привила навыки, которые будут полезны в дальнейшей учебе и последующей преподавательской и воспитательской работе.

НАРОДЫ, ЗЕМЛИ, КАРТЫ

КАВКАЗ — страна многолюдная и пестрая в этническом отношении. Средневековые восточные авторы, побывавшие здесь, называли его то «Горой народов», то «Горой языков». Оба названия подходили: не только весь седоглавый Кавказ, но и любая его часть, всякая область поражали удивительным для непосвященных смешением разных типов лиц, говоров, обычаяев, нравов. Так родилось стойкое во времени представление о том, что бесчисленные, казалось, народы, населявшие горную и равнинную страну, — осколки, остатки оставивших в истории следы, а также и вовсе уж безвестных, забытых народов, нашедшие свое убежище и пристанище в глубоких ущельях, на вершинах хребтов, в чащах дремучих, непроходимых лесов или в бескрайнем просторе местных равнин и степей. В этой легенде немного истинного смысла — так, всего лишь попытка объяснить непонятное, загадочное, увлекательное и волнующее.

Не исключения в этом смысле и Прикубанье, в том числе Средняя Кубань в тех условных границах, которые обозначены мною на первой странице текста этой книги. Вроде и невелик очерченный микрорегион и не поражает ландшафтными контрастами... А все ж возьму на себя смелость сказать, что никогда не бывал он населен людьми одного — единственного корня, происхождения, языка.

В далекую эпоху бронзового века (II — III тысячелетия до новой эры) тут соседствовали и смешивались племена собственно кавказские и степные, относившиеся к индоевропейскому языковому миру. Да еще через Большой Кавказ проникали выходцы из Закавказья и Западной Азии!

В античный период (VII век до новой эры — III век новой эры) и того больше — прямые потомки старинных обитателей кубанских берегов жили рядом, вперемешку, сливаясь с ираноязычными кочевниками-киммерийцами, скифами, сарматами, аланами; с греками (греками) и римлянами, поселившимися

на берегу Понта — Эвксинского (Черного моря); с пришельцами из других областей Кавказа.

Ужасом готского и гуннского нашествий открылась эра «Великого переселения народов», и ее перемежающиеся волны вынесли на берега Кубани и «влили» в уже густо замешанную местную этно — племенную среду (туркоязычных болгар, загадочных до сего дня хазар, могущественных владельцев южнорусских степей половцев-кипчаков и многих других). С X века нашли здесь прочно свое место и восточные славяне-русы — сперва в качестве главенствующей части населения Тмутараканского княжества, затем в виде разрозненных, но деятельных групп бродников и разных иных далеких предтечей вольнолюбивого казачества.

А следом шли не менее массовые и сложные переселения эпохи нашествия монголо-татар, Золотой Орды, генуэзских колоний в крымских и черноморских портах, где многоязыко смешались европейцы, азиаты, выходцы из Северной Африки и разных уголков самого Кавказа. Воистину — «аварийское столпотворение»! И так из века в век, из тысячелетия в тысячелетие... (I).

Цитировавшийся уже поэт Илья Сельвинский писал о Крыме (но как оторвать Крым от Тамани и всего Прикубанья, если извечно были связаны они одной судьбой, одними зигзагами истории?!):

За племенем племя, народ за народом,
Их лошади, их божества
Тянулись к пространствам наиплодородным,
Где соль, где вода, где трава.
И не на чем было врагам примириться:
Враги попирали врагов.
Легендой туманились здесь киммерийцы
Еще на заре веков.
Но вот налетели гривастые скифы,
Засеяли степи кость —
И навсегда киммерийские мифы
Ушли, как уходит гость.

Затем прорываются рыжие готы
К лазури южных лагун.
Пришел и осел на долгие годы,
Овеянный ржанием гунн.

Хазары кровью солили реки,
Татары когтили Крым.
Покуда приморье держали греки,
А греков теснил Рим,
Чтоб, наступая на польский панцирь
Медью швейцарских лат,
Дрались с генуэзцами венецианцы
Кровью паемных солдат.

Мешались обычай, боги, жены,
Народ вливался в народ.
Где победитель, где побежденный —
Никто уж не разберет.
Копнешь язык — и услышишь нередко
Отзвуки чужих фраз,
Семью копнешь — и увидишь предка
Непостижимых рас...

Земля говорит языком столетий,
Что жизнь не терпит границ,
Что расам вокруг своего наследья
Изгородь не сохранить,
Что даже за спесью своей броненосной
Не обособлен народ,
А судьбы народа не в лепке носа,
Не в том, как очерчен рот...

Несколько не ущемляя в этом контексте исторических «прав» отдаленных предков современных адыгских народов (каковыми с некоторой степенью основательности считаются уже так называемые «синды» и «меоты» I тысячелетия до новой эры), (1, с. 72 — 75; 2, с. 5 — 7, 3, с. 64), следует все же знать, что этноязыковая проблема принадлежности синдо-меотов весьма дискуссионна и далека от окончательного решения. В этом нетрудно убедиться, если обратиться к мнению ряда ученых (4, с. 214, 216; 5, с. 45—54), оспаривающих с фактами в руках полную и абсолютную преемственность меотов и позднейших адыгов как генетически взаимосвязанных этнических образований. Определенное единство наверняка есть, но очень многое привносится, впитанного из среды соседей и партнеров!

Понимание, а тем более осознание этих сложных, противоречивых процессов труднодоступно. Оно требует не только больших и разносторонних знаний, но и доброжелательной чуткости, недюжинного такта по отношению и к своему наро-

ду, и к его многовековым спутникам на дорогах и тропах было. Спору нет, почти каждому новому «обретению родины» пришельцами за счет ранее живших уже здесь племени и народов сопутствовали войны, кровопролития, торжество сильных над слабыми. Поэтому так несложно отвечать на многие вопросы давней истории, откликающиеся и сегодня взаимными территориальными претензиями, счетами «земли и родства», провоцирующими на наших глазах тяжкие межнациональные конфликты, которые вольно или невольно втягивают в себя тех, кто наследовал от предков память и предрассудки еще недавней общей государственности, отнюдь не исчерпавшей своих положительных свойств.

В Среднем Прикубанье, как и во всех других областях Кавказа, опасно и пагубно разрывать живую ткань «совместничества», долгого тесного сосуществования, сложившегося комплекса народностей, наций и этнических групп. Кто первым, кто раньше, кто обоснованнее владел тем или иным участком местных земель? Кто имеет ныне на них больше реальных или исторических прав? Вероятно, правильнее всего считать, что все создавшееся в веках «общежитие» народов, вложивших посильный вклад в возделывание и приумножение богатств конкретной территории.

Это чувствовали, понимали лучшие умы иных эпох! Недаром исламский шариат завещал своим приверженцам мудрый постулат: «Земля принадлежит тому, кто ее оживляет». Оживляет своим трудом, своими слезами и смехом, своими просчетами и надеждами, самим присутствием на ней-кормилице и матери!...

Вернемся, однако, из области размышлений на реальную почву фактов.

XVIII век — время начала полного включения Северо-Западного Кавказа в состав Российской государства — застал на Средней Кубани обычную пестроту народонаселения. Чтобы представить ее себе воочию, достаточно рассмотреть те карты местной ситуации, что увидели свет в ряде авторитетных научных изданий, опубликованных в последнее время (6, с. 57; 7, с. 24). Но чтобы оценить эти последние с точки зрения документальной достоверности, можно опереться на немалую серию скрупулезных политико-этнографических описаний и сопутствующих им карт конца XVIII — первой половины XIX столетия, отразивших современные им знания о населении Прикубанья, в том числе и Средней Кубани.

Среди самых ранних достойна пристального внимания «Карта Кубанской линии и укреплений», построенных в 1778 году А. В. Суворовым, относящаяся к началу 1779 года (8, первый шмутцитул). Серьезным источником считается описание 1820 года, составленное А. Ф. Ребровым для чеченцев, северо-кавказских армян, осетин, адыгов, абазин и караногайцев (6, с. 243). А спустя недолгое время (в 1823 году) в Москве напечатано сочинение «служившего на Кавказе долгие годы С. М. Броневского», написанное им в 1810 году и содержащее детальное описание месторасселения племен и народов Северного Кавказа, снабженное к тому же подробнейшей картой (9). Вскоре в Санкт-Петербурге увидела свет обширная работа П. П. Зубова (10). Ее признают компилятивной, но весьма интересной по широте охваченных вопросов и приводимых материалов (6, с. 244).

Перечень этот можно продолжать и расширять, но и скажанного довольно, чтобы сделать вполне обоснованный вывод: российские наука и политика обладали к зениту XIX века очень надежными сведениями о том, кто и где жил на Кубани. И все же есть еще один труд, умолчать который просто нельзя. Имею в виду работу М. И. Венюкова «Очерк пространства между Кубанью и Белой», написанную в 1841 году и тогда же снабженную подробнейшей картой под названием «Население Северо-Западного Кавказа в 1841 году» (см. 11; 12, с. 28). Все эти материалы были опубликованы несколько позднее, отчего, естественно, ценность их для достижения наших целей не убывает.

Следует еще подчеркнуть, что М. И. Венюков был участником военных экспедиций в Закубанье генерала Г. Х. Засса и лично (причем неоднократно) пересекал закубанские долины и леса, ущелья и горы между Кубанью и рекой Белой, то есть был непосредственным очевидцем тех народов и племен, что обитали здесь.

Согласно М. И. Венюкову правый берег Кубани от устья до самых верховий, где с обеих сторон кубанских истоков обитали «мирные туземцы-карачаевцы», прочно освоен восточнославянским (русским, украинским, казачьим) населением, которое уже закрепило и свой выход на берега Лабы. Слева от Кубани (от Зеленчуков до места впадения Лабы) преобладающая часть равнины занята ногайскими «полумирными» племенами. Равнинно-предгорная часть долины Урупа и далее узкая полоса на запад до Лабы контролируется адыгейской пле-

менной группой бесленеевцев — ближайших родичей кабардинцев, причем их владения далеко не доходят до устья Урупа. На левобережье Лабы с бесленеевцами смыкаются собственные кабардинцы,шедшие здесь убежище, бежав из районов Центрального Кавказа. Ниже их, вдоль Лабы, обитают адыгейские племена «егерукаевцев, махошей и темиргоевцев», тогда как высокогорную зону от истоков Зеленчуков почти до верховий реки Белой занимают многочисленные «колена» абазин. Достоверность общей картины и ее конкретных фрагментов не оставляет сомнений!

Итак, к территории Средней Кубани причастны по крайней мере 9 самостоятельных этнических образований — разного происхождения, говорящих на разных языках и диалектах и держащих под прочным контролем свои, крепко освоенные земли. Прибавим сюда и черкесо-гаев (горских армян), заложивших Армавир. Именно соотнесенность и взаимодействия их всех (далеко не мирные во многих случаях!), с учетом таких внешних факторов, как вторжение и временное господство крымских татар, калмыков; проникновение черкесов, абазов, турецких военных формирований и прочих определяли местную обстановку, в которой развертывались события и действовали герои наших последующих краеведческих очерков.

Сделанные этно-географические разъяснения вряд ли излишни для читателей, стремящихся уяснить важные стороны местного исторического процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. Москва: Наука. 1988.
2. Аутлев М., Зевакин Е., Хоретлев А. Адыги. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1957.
3. Народы Кавказа. Этнографические очерки. Т. 1. Москва: АН СССР. 1960.
4. Малышев А. А. Меоты // Вопросы истории. 1991. № 11.
5. Трубачев О. Н. О синдах и их языке // Вопросы языкоznания. 1976. № 4.
6. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. Т. П. Москва: Наука. 1988.
7. Данилова Е. Н. Абазины. Москва: МГУ. 1984.
8. Последнюю публикацию см.: Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар (Краснодар). 1913 (1992).
9. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I, II. Москва. 1823.
10. Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных о нем земель, в историческом, статистическом, этно-

графическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. 1—4. Санкт-Петербург. 1834—1835.

11. Абазины. Историко-этнографический очерк. Черкесск: Карабаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства. 1989.

12. Венюков М. И. Очерк пространства между Кубанью и Белой // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 2. Санкт-Петербург. 1863.

«...ПОТЕРИ ВОЗМЕЩАТЬ СТОРИЦЕЙ!»

В истории восточного Закубанья и прилегающих к нему степей первая половина XVIII века прошла под знаком панической опасности, которую представляли для кочующих тут «ногайских татар» воинственные и свирепые калмыки (1). Народ этот недавно появился на арене Европы, придя из глубин Центральной Азии и закрепившись в Нижнем Поволжье, где вскоре выказал стабильную дружественность к России и стойкую враждебность к тюркоязычным племенам потомков Золотой Орды — своим предшественникам и соперникам во владении южнорусскими степями.

К завершению первой трети столетия в сезонных расселениях калмыков проявились новые черты: зимние кочевья их распространились на юг вплоть до Терека и Кумы. Калмыки регулярно появлялись в богатом целебными источниками Пятигорье, где в названиях местностей отложились или чисто калмыцкие, или легко осмысливаемые по-калмыцки слова и термины (например, речка Бугунта — лосиная, горный хребет Бургустан — верба, местность Ессентуки — девять знамен и т. д.). Однако этим дело не ограничилось: калмыки выкочевывали и на Кубань, что породило, в частности, в их фольклоре стойкие образы «кубанских пастищ безбрежных», «бескрайних степных далей между Волгой и Кубань-рекой», орошаемых «чистой водой, пригодной для водопоя» (2, с. 266—267). Впрочем, здесь, как и в Пятигорье, они надолго не задерживались.

И все же современный исследователь исторической географии Какмыкин прав, утверждая: «Имеется лишь один пример длительного пребывания калмыков на Кубани, который продолжался в 1730-х годах. Он был связан с откочевкой по политическим соображениям в западное Предкавказье влиятельного в Калмыцком ханстве тайши Дондук-Омбо, претендовавшего на ханский престол, который он затем и получил» (3, с. 47). Как же это получилось и к каким последствиям привело?

Как известно, в царствование императрицы Анны Ивановны Россия фактически уступила все приобретения Петра I в Персии, что побудило Османскую Порту и вассальное ей Крымское ханство к резкой активизации агрессивных действий на Северном Кавказе. Губительный поход Фети-Гирея и крымских войск через российские владения в 1733 году и разорение ими многочисленных казачьих городков на Тerekе давали достаточно оснований для объявления войны, причем война должна была начаться, по замыслу петербургского командования, со взятия сильного и опасного для юга России турецкого форпоста — крепости Азов. Но небольшой ее гарнизон, состоявший из янычар, опирался на силы соседних, подвластных Крыму, «татарских» народов, в том числе и степного Прикубанья. Они видели в Азове выгодный для себя невольничий рынок и готовились помочь ему всеми средствами. Поэтому вместе с осадой Азова русским приходилось «занять Перекоп и производить усиленные поиски в татарские улусы, наполнившие широкую Азовско-Кубанскую степь и Закубанские предгорья». Военные действия начались в марте 1736 года и втянули в себя большие и разнохарактерные силы (4, с. 195—204; 5, с. 343—357; 6, с. 429—432). Девизом кампании стали слова обустроившегося в крепости Кизляр «смелого, энергичного, талантливого, не стеснявшегося брать все на личную ответственность» военачальника, генерала Левашова: «...Казачьи потери возмещать сторицей!».

Именно Левашов «назначил» к походу в кубанские пределы гребеских казаков и «неразлучных спутников их — терских казаков и кабардинцев». Однако ввиду малочисленности этих вооруженных формирований в помощь им с Волги двинулась 40-тысячная конница калмыков, под личным предводительством их воинственного хана Дондук-Омбо. Инструкции, полученные «сверху» (от генерал-фельдмаршала Миниха — общего руководителя всей кампании), предписывали «поданных Оттоманской Порты кубанских татар, беглых казаков — некрасовцев, и других обитателей нижне-кубанских болот и Кавказских предгорий разорять и искоренять до основания» (4, с. 195). Так начались события жестокие и кровавые, прямо затронувшие Среднее Прикубанье.

Спустя короткое время, решительный и безжалостный Дондук-Омбо был уже на Кубани, перешел ее со своей конницей и в долине реки Уруп напал на ногайцев «наурузовского племени». Их было около 5000 кибиток, которые, понимая весь

ужас угрозы многотысячной калмыцкой конницы, попытались найти спасение в близлежащих лесистых и гористых предгорьях, где срочно разбили укрепленный лагерь. Но, «несмотря на крепкую местность, становище их было взято штурмом, и хан распорядился с пленными своим калмыцким обычаем: все мужчины, в числе шести тысяч, были вырезаны, а 20 тысяч жен и детей отправлены на реку Егорлык в российские пределы. Это был первый набег Дондук-Омбо, распространявший страх к его имени по всему Закубанью. Действительно, маленькие, черномазые, ловкие как черти, не уступающие в наездничестве адигам, но далеко превосходящие их свирепостью и жадностью к крови, калмыки наводили суеверный ужас на жителей прикубанских равнин, спешивших укрыться от них в места, недоступные для конницы...» Процитированные слова казачьего историка В. А. Потто (4, с. 196—197) точно передают сложившуюся атмосферу...

А хан Дондук-Омбо, после кровавого «пиршества» в долине Урупа, отошел в верховья Егорлыка и расположил свою конницу в привольных степях, наслаждаясь плодами победы. Отдых, однако, не длился долго! Уже в середине апреля хорошо поставленная калмыками разведка донесла, что 10 тысяч ногайских кибиток «сoltан-аульского рода» пытаются найти безопасность в горах и торопятся откочевывать в верховьях Большого Зеленчука.

Хан не хотел упускать своего шанса! Он тотчас погнался за ногайцами со своей конницей вдоль Урупа и, совершив замысловатые маневры, скоро настиг их. Не рискуя штурмовать многочисленное стойбище, засевшее от отчаяния в тесном ущелье, он обложил их стан со всех сторон и 37 дней терпеливо держал в осаде. Ногайцы терпели страшный голод, когда 20 мая к калмыкам подошли отряды гребенского, терского и донского казачества. Тогда мужественные солтангульцы потеряли всякие надежды и поняли невозможность дальнейшей обороны. Осознав кровожадный нрав Дондук-Омбо, они, чтобы спасти себе и семьям свою жизнь и надежду на дальнейшее существование, отдались в российское подданство, после чего были мирно отправлены в места, предназначенные для будущего их кочевания по рекам Куме, Малке и Тереку.

Калмыки остались крайне недовольны таким исходом осады, ибо лишились богатой добычи и не смогли свести «полные счеты» с соперниками. Дондук-Омбо не осмелился оказать неповиновение приказу российского командования, но в пределах

своих союзническо-вассальных прав, решил обеспечить компенсацию «потерь». Поскольку русских подданных «вырезать» было нельзя, он вовлек казаков и кабардинцев в стремительное продвижение вниз по Кубани, где были опустошены не только районы побережья, но и большие участки предгорий и гор, где жили адигские племена темиргоевцев и бесленеевцев. Этот до крайности удачный поход, принесший закубанцам много крови и слез, сильно возвысил калмыцкого хана в глазах окружающих и породил в командование немалые надежды. В официальном «донесении» читаем: «И по таким счастливым прогрессам уповать можно, что вся Кубань скоро покорена будет, яко уже и ныне всем кубанцам не токмо дорога к Азову для секурса пресечена, но паче они сами в крайнем утеснении обретаются». (4, с. 197).

Военные действия были приостановлены, но Дондук-Омбо еще не удовлетворил своих амбиций и жажды добычи. Поэтому, переждав осенние разливы рек от обычных в горах ливневых дождей, он переправил свой «летучий отряд» вновь на кубанское левобережье и скрестил сабли со «спустившейся с гор» в надежде на безопасность едишкульской «сильной ногайской орды», которая одна могла выставить в поле до 20 тысяч конницы». Сражения, преследования и всяческие воинские уловки завели Дондук-Омбо и его «корпус» в самые низовья Кубани, к берегу Черного моря. Тут вновь крепко досталось и «нашим некрасовским раскольникам». Один очевидец похода засвидетельствовал, что когда войска Дондук-Омбо возвращались назад, то оставили после себя более 30 тысяч трупов, которые валялись по полям, потому что убирать их было некому. До 15 тысяч «татар» и горцев были безжалостно потоплены в Кубани, 10 тысяч жен и детей взяты в плен, а лошадей, рогатого скота и овец отбито было десятки тысяч голов». Эта «сводка» приобретет (на фоне невозвратных потерь для закубанцев) прилучше всего передает дух эпохи и смысл настойчивых «поисков» Дондук-Омбо!

Аналогичные кровопролитные акции длились и в 1737 году, но они никак не затрагивали уже разоренное и обезлюделвшее восточное Закубанье, охваченное к тому же сильной эпидемией чумы («морным поветрием»), (6, с. 432). Императрица Анна Ивановна была так довольна службою калмыцкого хана, что прислала ему в дар богатую соболью шубу и драгоценную саблю...

Вдохновленный на новые «подвиги», Дондук-Омбо изгото-
вил свою силы вдоль речки Горькой (правый приток Кубани
в нынешнем Новокубанском районе), предвкушая победы 1738
года. Но история все же не часто «терпит» слишком уж долгие
периоды сплошных успехов и удач: законный наследник хана,
старший сын его Галдан-Норма восстал против отца и пытал-
ся низложить его, чтобы захватить в свои руки хансскую власть,
а также ту славу и добычу, что сулило разграбление ногайцев
и горцев Закубанья. Дондук-Омбо не растерялся! Он подтянул
конные войска с Волги и подавил мятеж. Но в возникшей сум-
мище и суматохе более 700 кибиток солтан-аульских ногай-
цев, расселенных чересполосно с сезонными кочевьями калмы-
ков, отбросили мнимое «покорство» и бежали обратно за Ку-
бань. Там они стали ядром притяжения для всех уцелевших
сил сопротивления калмыцкому произволу (7, с. 35—43). Дон-
дук-Омбо не спешил теперь являть миру свои геройства, хотя
в 1739 году совместно с кабардинским князем А. Кайтукиным,
отряды калмыцкого хана «ходили за реку Лабу. И на вершину
реки Хевз ходили... Много до смерти побито тех татар... и в
полон взято» (6, с. 432).

А в начале 1740 года «калмаский хан» умер, и среди кал-
мыков возникла страшная междоусобица, в которой погибли и
законный наследник ханства, незадачливый и прощенный отцом
своим Галдан-Норма, и его ближайшие родственники. Вдова
Дондук-Омбо ханша Джана, урожденная кабардинская княж-
на, пытаясь бежать к родственникам в Кабарду, но была ос-
тановлена российскими властями и казаками и вместе с остав-
шимися в живых детьми отправлена в Санкт-Петербург. На-
местником ханства был назначен правительством России Дон-
дук-Даши, внук знаменитого Аюк-хана, современника Петра I.
Волнения в калмыцких степях затихли, но никогда ничего по-
добного походам Дондук-Омбо в Закубанье калмыцкие орды на Северо-Западном Кавказе больше не совершали. Впрочем, и
сделанного в 1730-х годах оказалось довольно, чтобы в устном на-
родном творчестве, в памяти поколений ногайцев, адыгей-
цев, бесленеевцев, абазин остались самые мрачные отголоски разыгравшихся драматических событий, еще раз подчеркнув-
ших крайнюю нестабильность и роковую зависимость населе-
ния Кубани от столкновения «высших» geopolитических инте-
ресов держав-соперников на Кавказе. А «защита» казачьих го-
родков послужила только удобным поводом для очередного случая «помериться силами» и передать последующим десяти-
летиям вновь обострившиеся проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эрдниев У. Э. Калмыки. Историко-этнографический очерк. Элиста. 1987.
2. Борисенко И. В. Очерки исторической географии Калмыкии в до-революционный период. Элиста. 1991.
3. Песни народов Северного Кавказа. Москва: Советский писатель. Ленинградское отделение. 1976.
4. Потто В. А. Два века Терского Казачества (1577—1801). Ставрополь: «Кавказская библиотека». 1991.
5. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. 1. Екатеринодар (Краснодар). 1910—1992.
6. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. Москва: Наука. 1988.
7. Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение. 1988.

С ЧЕГО НАЧАЛСЯ АРМАВИР

Недавно армавирцы отметили 150-летие родного города, исходя из посылки широко известной книжки «Армавир», изданной в 1983 году. В ней утверждается: 1839 год считается официальной датой основания Армавира (1, с. 25). Однако Большая Советская энциклопедия дает совсем иные сведения: «Армавир основан в 1848 году». А старший хранитель Армавирского архива С. Ю. Яковлев недавно опубликовал несколько интересных документов, доказывающих, что Армавир ведет свою историю с осени 1837 года.

Не правда ли, — эта разноголосица настораживает?

А между тем, все приведенные точки зрения имеют под собой основание. Исторические документы не оставляют сомнений в том, что компактные группы армян «были выведены из гор» и «поселены в 1837 г. своим аулом на левом берегу Кубани, против станицы Прочноокопской», то есть несколько севернее городских границ нынешних (2, с. 8—9). А в 1839 году поселение переместилось ближе к устью Урупа, оказавшись строго напротив крепости Прочный Окоп. Так нынешний город обрел свое прочное место (1, с. 25; 3, с. 20—29). Однако поселение черкесо-гаев сперва устойчиво именовалось просто «аулом» или «армянским аулом». И лишь в 1848 году по инициативе церковного деятеля Петроса Патканяна новое поселение армянских подданных России получило название Армавир (1, с. 24).

И все же эти противоречия в хронологии не случайны. Они досадны потому, что яркие даты в истории города не увязаны

друг с другом, не приведены в систему. Отсюда проис текают существенные потери исторического плана. Ведь каждому стоит задуматься над вопросом: случайно или нет облюбовали черкесо-татары именно эти места для своего постоянного поселения в границах Российской державы? Какими историческими корнями питалась судьба Армавира, как быстро развивавшегося села, а затем и города, весьма заметного не только в Краснодарском крае, но и на всем Северном Кавказе и Юге России.

Ответ, который сегодня диктует наука, один: местонахождение нынешнего Армавира удобно и выгодно для людей с глубокой древности. Здесь издавна пролегали важные военно-торговые дороги, использовавшие стабильные броды через свое-правную Кубань. Не случайно, еще ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ назад именно тут (по сообщениям древнегреческих, римских и западноевропейских письменных источников) располагался, очевидно, многолюдный и процветающий «город Успа» — столица сильного раннегосударственного образования, объединившего ко чевников-сарматов и местные племена — дальних родственников позднейших адыгов. Руины этого города, павшего в 49-м году новой эры от штурма римскими легионами, видят на восточной окраине нынешнего Армавира, в зоне Старой Станицы (4, с. 108—109; 5, с. 5).

В последующие исторические эпохи этот участок побережья Кубани был густо населен, играя разнообразную роль в жизни региона. Вполне закономерно, что с конца XVIII века в строго обусловленной конкретными обстоятельствами очередности здесь «собрался» плотный «куст» военно-гражданских объектов и поселений, включавший в себя крупную российскую крепость Прочный Окоп — резиденцию командующих войсками правого фланга Кавказской линии, сопутствующий ей Форт-Штадт, казачью станицу Прочноокопскую (на месте нынешней Старой Станицы), а затем и тот самый армянский аул, о котором уже речь шла выше. Вскоре вслед за тем (с созданием к середине XIX века Лабинского казачьего округа) село Армавир стало его административным центром, превратившимся накануне Первой мировой войны в крупный промышленно-коммерческий город, оказывавший исключительное влияние на сельскохозяйственный округ. Как видим, ни о какой случайности в крепком освоении нашими соотечественниками, русскими, этого удобного места быть не может...

Здесь следует подчеркнуть, что общественные процессы, протекающие сейчас в городе Армавире и окрестных районах,

весьма неоднозначны, противоречивы и сложны. К великому сожалению, существуют (а кое-какими силами и подогреваются!) элементы межнациональных трений, претензий, недовольств. Вряд ли следует упускать из вида, что при дальнейшем негативном развитии событий, рвущих на куски живую ткань нашего общего Отечества — России, город Армавир может стать ближайшим приграничьем нашего государства. Все это ставит задачу предельной консолидации всех слоев населения города и его округи.

Мало кто из армавирцев не наблюдал и не участвовал в спорах (порой ожесточенных) о приоритете той или иной группы населения в истории Армавира (наиболее явственно проглядывают три стороны диспутантов: армяне, казаки и, так сказать, прочие русские). Нужно отметить со всей определенностью — это ненужные и опасные препирательства. Они так или иначе получают свой выход в печатных изданиях, прессе и (что особенно тревожно) на уровне повседневно обыденного сознания, обывательских пересудов. Им надо противопоставлять достоверные факты истории, которые вкратце таковы.

Вплоть до выхода Российского государства на участок Кубани в широкой округе нынешнего Армавира здесь не было постоянных поселений на протяжении ряда столетий. Первой — стала крепость Царицынская, построенная А. В. Суворовым в 1778 году. Но она просуществовала лишь несколько месяцев, а потом была срыта, исходя из военно-политических интересов державы.

Всего через 6 лет, в 1784 году, на правом высоком кубанском берегу, господствующему над бродами и переправами к сегодняшнему местонахождению Армавира, была воздвигнута отлично укрепленная российская крепость Прочный Окоп, остатки которой впечатляют до сего дня, будучи видны из многих точек города.

Этим раз и навсегда определилось включение наших мест в границы Российского государства, России, правительство которой стало энергично комплектовать состав местного населения. Русский поселок у стен крепости (Форт-Штадт) стал местом поселения солдат, отслуживших в гарнизоне положенный им срок. В 1794 году у подножия высот Прочного Окопа возникла станица Прочноокопская, заселенная по правительству распоряжению донскими казаками. Станица существовала здесь (в нынешней городской черте Армавира) вплоть до 1818 года, когда по приказу генерала Алексея Петровича

Ермолова была перенесена несколько ниже по течению Кубани, где находится и сейчас (6).

Армянский аул на левом берегу Кубани, возникший под защитой крепости Прочный Окоп и казачьей станицы Прочноокопской, стал организовываться, начиная с 1837 года, черкесо-гаями, искавшими у России спасения перед лицом активно протекавшего процесса их полного растворения в среде адыгских племен (3, с. 20—23; 7). Армяне настойчиво и в высшей мере осознанно добивались и принимали российское подданство, гарантировавшее им будущее на Кубани. Стоит признать, что комплекс: Прочный Окоп — Форштадт, Прочноокопская станица, аул-село Армавир — едни и неразрывен в предыстории позднейшего города Армавира. Важно это знать и в полной мере прочувствовать...

Вывод из всего изложенного очевиден: единственным приоритетом в оценке истории складывания состава населения Армавира является приоритет РОССИЙСКОСТИ, Российской государственной политики, которая державно охватывала и русских служилых солдат, и казаков, и армян, и любых других поселенцев в Армавире и его пригородах. Армавир — город РОССИЙСКИЙ по своим истокам, по государственной принадлежности, по сути. Этот-то факт и достоин корректного, но безоговорочного утверждения в широкое общественное сознание, в том числе и в повседневной учебной практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Армавир. Краснодарское книжное издательство. 1983.
2. Виноградов В. Б., Ктиторов С. Н. Новое прочтение некоторых страниц истории Армавира и его ближайших окрестностей. Армавир. 1992.
3. Погосян Л. А. Армянская колония Армавир. Ереван, 1981.
4. Яценко С. А. Сиранский союз в Прикубанье (проблемы увязки археологических и письменных источников) — // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар, 1991.
5. Виноградов В. Б. Критический обзор дореволюционных разделов краеведческих пособий для учителей и школьников Краснодарского края. Армавир. 1992.
6. Фелицын Е. Д. Военно-историческая карта северо-западного Кавказа, с обозначением существующих ныне крепостей, укреплений, редутов, фельдшанцев, постов и главнейших кордонных линий, устро-

енных русскими войсками с 1778 г. по 1864 г. Издание военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа. Тифlis, 1898.

7. Щербина Ф. А. История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар, 1916.

«К БЛАГОДЕЯНИЮ ОТЧИЗНЫ...»

Странные вещи порой происходят с историей России и ее отдельных регионов! Берем академический фундаментальный труд «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века» и на фоне десятков никому неизвестных горских князей, мурз, узденей, упоминающихся по несколько раз, с удивлением обнаруживаем: величайший полководец А. В. Суворов назван в этом томе лишь трижды, причем только один раз в связи с событиями на Северном Кавказе (1, с. 449). Между тем, кубанский период в жизни и деятельности талантливого военачальника и государственного деятеля охватывает с известными перерывами 1778—1793 годы. Недавно вышла в свет весьма содержательная и интересная книга известного в Краснодарском крае любителя и исследователя старины В. А. Соловьева, которая (2), в сопоставлении с другими источниками и изданиями позволяет сконцентрировать внимание на роли А. В. Суворова в становлении Российской государственной границы на Средней Кубани, куда он прибыл весной 1778 года, укрепив и благоустроив до того Таманский полуостров и кубанские низовья.

Боевой генерал оказался здесь отнюдь не случайно. В сентябре 1777 года не без участия Османской Порты против прорусско настроенного крымского хана Шагин-Гирея вспыхнуло восстание, охватившее не только Крым, но и Прикубанье. Чтобы прекратить волнения ногайцев, ликвидировать опасность вторжения турок, создать условия для возможно более мирного отделения Правобережной Кубани от Крымского ханства, А. В. Суворов предложил продвинуть вперед западную границу Азово-Моздокской укрепленной линии, выдвинув ее с реки Еи на правый берег Кубани в большей части ее течения. Верховное командование утвердило этот проект, и в короткий срок под энергичным командованием Суворова была построена цепь разнохарактерных укреплений, тянущаяся от Керченского пролива вплоть до наших нынешних мест.

Вдоль Кубани строились земляные крепости, редуты, посты, устраивались заставы. Самая западная из всех крепостей Средней Кубани стала в районе печально известной «Романовской

кой переправы» (в округе современной станицы Кавказской): здесь, через кубанские броды в 1771 году прутуренки настроенный адыгский князь Росламбек провел в сторону Анапы большой «полон» женщин, девушек и мальчиков, захваченный в донской станице Романовской. Крепость сперва названная «Темищбек», а потом — в честь наследника престола — Павловской — должна была навсегда пресечь возможность подобных набегов и захватов «внутри» российских территорий. А. В. Суворов не ошибся: место оказалось стратегически точным и крепость долгие годы (после ряда перестроек) играла важную роль на Северо-Западном Кавказе. Достаточно сказать, что во всех походах войск Кавказского корпуса на крепость Анапу-цитадель Павловской (затем, с 1793 года — Кавказской) крепости восстанавливалась и использовалась как коммуникационный редут (2, с. 102).

Выше по течению, на самой излучине Кубани, круто повернувшей к Кавказским горам, на отвесном глиняном берегу, с которого открывались необозримые дали Закубанья, был поставлен обзорный пост. А в 15 верстах (вверх по течению) встал фельдшанец (прочное земляное укрепление) Восточный. Его цель — крепко перекрыть глубокую и просторную балку, которую вовсе не зря окрестные казаки называли «Воровской».

Как и всегда, А. В. Суворов лично выбирал места для сооружения дозорных и фортификационных «узлов» на новой линии границы. Он опирался на поистине огромный опыт, глубокие знания, тонкую полководческую интуицию. Похоже, что эти качества почти никогда не подводили его!

Последней, самой дальней по Кубани крепостью, которую заложил и построил Суворов, была Царицынская. Но с определением ее местонахождения еще далеко не все ясно.

В. А. Соловьев глубоко прав, когда утверждает: «Всехсвятский фельдшанец расположен не там, где позднее была крепость Прочный Окоп, как это пытаются утверждать кубанские историки, а гораздо севернее правобережья Кубани, на берегу степной речки» (2, с. 129). Однако и сам он ошибается, размещая Царицынскую на склоне балки реки Горькой, там, где заметно позднее (в 1787 году) генерал Текелли «поставил коммуникационный пост Царицынский (ныне это Северокавказский хутор Новокубанского района Краснодарского края)» (2, с. 103). Одноковость названий крепости и поста (редута) тут ничего не значит.

В экспозиции Армавирского городского музея выставлен фрагмент фотокопии одной из первых российских карт бассейна Кубани, которая по утверждению маститого краеведа Н. И. Навротского лично подписана А. В. Суворовым. Карта эта демонстрирует еще очень слабую, поверхностную осведомленность ее составителя с речной сетью Закубанья, что затрудняет точную привязку вновь воздвигнутых фортификационных сооружений. Так, река Лаба именуется на ней Оюрп, а крупный левый приток Кубани Уруп обозначен в виде безымянной, коротенькой речушки. И все же крепость Царицынская четко «посажена» здесь именно напротив устья Урупа, на месте будущего Прочного Окопа. Оспорить этот факт, пожалуй, невозможно.

Видимо, В. А. Соловьев ввела в заблуждение другая карта, которую он справедливо относит ко времени строительных работ Суворова и датирует началом 1779 года. Эта карта, между прочим, воспроизведена на первом развороте (щмушти-тule) новейшего репринтного переиздания II тома знаменитого труда Ф. А. Щербины об истории Кубанского казачьего войска (3).

Данная карта много точнее предыдущей, особенно в проработке бассейна левых притоков Кубани. Теперь Лаба с разветвленным «древом» принимаемых ею речек показана достаточно достоверно. «Река Арубъ» абсолютно соответствует нижнему течению Урупа. Но против ее устья, на высоком правом берегу Кубани крепости Царицынской нет! Она обозначена заметно ниже по течению, примерно там, где и размещает ее В. А. Соловьев.

Что это? Перенос (причем стремительный и нигде не зафиксированный!) крепости на новое место (о чем-то подобном рассказывали нам некоторые краеведы)? Или какая-то путаница? Стоит приглядеться к карте внимательнее!

Если сделать это, то бросается в глаза общая смещенност вниз по течению Кубани самых восточных из суворовских крепостей и фельдшанцев. Может быть, картограф наносил их местонахождение, руководствуясь сведениями о приблизительном расстоянии между ними, формально прилагая их к «карте-гидрооснове»? Тогда «Горькая балка», действительно, окажется на самой излучине Кубани, а крепость Царицынская «уйдет» далеко вниз по реке от устья Урупа... Не стану настаивать, но такой вариант нуждается в специальной проработке. Ведь не случайно же сам картограф вынужден был под назва-

ием искомой крепости дать выпадающее из общей легенды разъяснение: «Царицынская крепость была в устье Аруба (Урупа)»...

Как бы то ни было, но именно у крепости Царицынской А. В. Суворов простился с офицерами и солдатами своей «строительной армии» и отбыл в Ставрополь. Причем это и ранее поименованные фортификационные сооружения на Средней Кубани к этому времени сносились по приказу вышестоящего начальства, а войска отводились вновь на реку Ею. Тем самым обеспечивались условия для подписания в июне 1779 года Айналы-Кавакской конвенции с Турцией, которая в главном подтверждала чрезвычайно важные для России параграфы Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года.

Следовательно, история суворовских крепостей на Средней Кубани была весьма краткосрочна. Но она определила самое главное — выход Российской державы на местные берега, стратегию будущего формирования Кавказской укрепленной линии и прямое знакомство с закубанской этно-политической обстановкой весьма важной для последующих планов и действий.

В дальнейшем А. В. Суворов не раз приезжал с самыми различными миссиями на Кубань, но обычно пребывал в зоне ее низовий. Только в ходе инспекционных поездок он следовал уже знакомыми маршрутами своих перемещений 1778—1779 годов. В источниках зафиксированы эпизоды прямого интереса к нашим местам. Так, готовя свой знаменитый закубанский поход 1783 года, Суворов написал 30 октября командиру Кавказского корпуса П. С. Потемкину, что отряд под командованием генерал-майора Леонтьева прибыл на Кубань и остановился у бывшей крепости Царицынской, где переправится через реку и станет между Лабой и Кубанью, чтобы закрыть путь неприятелю на восток (2, с. 165).

Вообще, уже первое посещение Кубани сформировало ясные и довольно точные представления талантливого полководца и государственного деятеля о местной ситуации. Они определяли его действия, поступки, оценки. Сам Суворов писал: «Я заключал доброе имя мое в славе моего Отечества и все успехи относил к его благодействию» (4, с. 237). Однако нам всем нужно уметь открытыми глазами смотреть на ту истину, что geopolитические интересы огромного государства диктуют сами по себе методы их решения во всемирном историческом контексте. И вовсе не обязательно «смягчать», лакировать или вуалировать происходившие события за счет лукавого намере-

ния односторонних демонстраций повсеместных благодействий России по отношению к соседним и присоединяющимся народам. Вряд ли следует идеализировать и деятельность Суворова на Кубани (как и повсеместно!), хотя его решительная, талантливая и победоносная борьба с внешними агрессивными устремлениями и военными присками вписала его имя золотыми буквами в летопись Отечества! (5, с. 9—10).

Ф. А. Щербина, приводя многие «увещевательные» письма Суворова к горским и степным владельцам, продиктованные непрекращающейся практикой набегов на русские станицы, села и крепости, сопровождающихся «всяческими злодействами», подчеркивает, что они завершались обычно угрозой «переправить через реку Кубань войска и наказать огнем и мечем». Тогда, мол, «вы сами на себя пенять должны будете». И завершает этотт словами: «Замечательно, что величайший у русских и вообще во всем мире полководец меньше всего желает прибегать к оружию и проливать кровь. Во всей деятельности А. В. Суворова на Кубани ярко проглядывает эта симпатичная черта» (6, с. 384).

Спору нет, тут многое верно. И сам А. В. Суворов отчетливо произносил свой девиз: «благомудрое великодушие более полезно, чем стремглавый меч» (7, с. 19). Однако всегда ли ему удавалось руководствоваться именно им?

В русско-кавказских отношениях той поры (в том числе и на любом отрезке кубанского побережья) было много сложностей, трагедий, «неразвязанных узлов». Это порождало стереотипы взаимных отношений, из пут которых могли вырываться только самые мудрые, дальновидные, честные и гуманные. Но если возникла устойчивая схема оценки, предвзятость, избавиться от нее было нелегко.

Вот одна (из многих) характеристика Суворова «кубанских татар»: они отличаются-де «всегдашним непостоянством, легкомыслены, лакомы, лживы, не верны и пьяны» (6, с. 374). Подобных, по-суворовски прямых, нелицеприятных и афористичных заключений немало вышло из-под пера военачальника. Они питали и многие его чисто военные решения, когда казалось, что все возможности дипломатии и политики (а они тоже отмечены яркой печатью своей эпохи) были исчерпаны.

И если русско-адыгские трения, взаимные стычки и претензии слабо затрагивали тогда Среднее Прикубанье, то «ногайская проблема» тут была крайне болезненна и обострена. Суть ее и методы решения детально изложены в многочисленной литературе (1; 6 и др.). Прячущая канва переговоров,

тоглашений, их нарушений, подкупов и лести, взаимных уступок и клятв в дружбе и верности оборвалась, когда российские власти на самом высшем государственном уровне приняли решение о переселении ногайцев с прочио освоенных ими берегов Кубани в степи Приуралья, которые когда-то, в незапамятные для кочевников конца XVIII века времена, были исторической родиной ногайских орд. Принести в жизнь этот суровый приговор должен был А. В. Суворов, и у него не возникало никаких сомнений в правильности и исполнимости поставленной задачи.

Один из современных ногайских историков достаточно деловито ставит вопрос: «Подробного изучения требуют данные о деятельности А. В. Суворова по отношению к ногайцам. Дело в том, что, выполняя указания императрицы Екатерины II, Суворов стал виновником гибели десятков тысяч ногайцев, которые не хотели покидать родные аулы на Кубани» (8, с. 20). Несколько не предвосхдящая результатов этого будущего изучения, заметим, что блестяще организованные и проведенные военные акции, охватившие междуречье Кубани и Лабы, полностью сломили яростное сопротивление ногайцев. Произошла, говоря словами Суворова, «полная рубка татар». Оставшиеся их группы «навсегда покинули Прикубанье, ушли в Прикаспийские степи и в восточные предгорья Кавказа» (2, с. 25). Последствия этой трагедии ощущаются до сих пор в судьбе ногайского народа!

К чести А. В. Суворова, он пытался по-своему поспособствовать тем ногайцам, которые, скрепя сердце, подчинились России в своей переселенческой судьбе: им выделялись деньги, гудавалась мука, по донским казачьим станицам расселялись семьи, оставшиеся без скота. К глубокому его «уловлетворению» многие из оставшихся мужчин «по собственному желанию возвезли в православную христианскую веру», после чего «приписывались в казаки». Может быть, в этом проглядывали признаки покаяния, искупления взятого на себя волей воинского золота «карающего бремени»?

Вспомним, что в самом конце своего бурного столетия, позирия художнику, генералиссимус российских войск, мучительно размышляя о смысле долгой жизни, говорил так: «Ваша кисть изобразит черты лица моего — они видны, но внутреннее человечество мое сокрыто. Итак, скажу я вам, я кровью проливал ручьями. Содрогаюсь! Но люблю моего ближнего; во всю мою жизнь никого не сделал несчастным; ни одного

приговора на смертную казнь не подписывал; ни одно насекомое не погибло от руки моей. Был мал, был велик, призвание и отлив счастья упал на Бога и был непоколебим...» (2, с. 183). Как это трудно и тяжко: совместить в одном человеке совестливость и непоколебимость!

Последний раз Суворов прибыл на Кубань в 1793 году, после того, как стамбульский султан Абдул-Гамил, при прямом участии и помощи Франции осуществил строительство трех мощных крепостей на Северо-Западном Кавказе, в зоне русско-турецкого противостояния (Анапа, Бугур и Геленджик). В ответ российская сторона развертывает новые фортификационно-строительные работы вдоль Кубани. Частью их стало цепкое возвращение России на Среднюю Кубань, где встала цепочка сильных редутов — Прочный Стайн, Григориополис, Прочный Окоп. Последний занял место былой и недолго существовавшей суворовской крепости Царицынская, определив собой долгую перспективу исторического бытия окрестных мест. Суворов, похоже, не бывал в Прочном Окопе, но наверняка знал о нем...

Остается добавить, что мы, конечно же, ничего не можем изменить в былой истории. Но неоднозначно ее понимание, проникновение в явные и закулисные ее мотивы и движущие силы должны помочь нам сознавать и чувствовать себя достойными преемниками не только славы, но и боли наших разноплеменных предков. Это касается и исторических деяний А. В. Суворова, который, по его собственному выражению, «рыл Кубань от Черного моря в смежности Каспийского под небесной кровлей» и подготавливал тем самым предпосылки для последующего исторически неизбежного, но крайне мучительного присоединения всех народов Кавказа к Российской империи.

Нам, обитателям берегов Средней Кубани, важно по достоинству оценить каждый факт, связывающий судьбу прославленного военачальника с теми местами, в которых обозначился первый глубокий прорыв России к тем землям, которые стали вскоре ее органической частью, будучи напрочь исключены из захватнических планов Османской Порты и колониальных западноевропейских держав.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. Москва. Наука. 1988.

2. Соловьев В. А. Суворов на Кубани. 1778—1793. Краснодарское книжное издательство. 1986.
3. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. П. Екатеринодар (Краснодар). 1913 (1992).
4. Суворов А. В. Документы. М. 1951, т. 2.
5. Виноградов В. Б. Критический обзор дореволюционных разделов краеведческих пособий для учителей и школьников Краснодарского края. Армавир. 1992.
6. Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска. Т. П. Екатеринодар (Краснодар). 1910 (1992).
7. Виноградов В. Б., Мамаев Х. «Тамошнего краю комендант...» //Приязни добрые плоды. Грозный. 1987.
8. Нерейтов Р. Х. Некоторые вопросы ногайско-русского боевого содружества// Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом (формы, характер, исторические последствия). Грозный. 1990.
9. Анфимов Н. В., Жерновлев И. В., Кусый В. А., Юркин Н. Ф. Наш край на уроках истории. Краснодар. 1972.

«ВИДЕЛ Я БЕРЕГА КУБАНИ...»

Пребывание великого русского поэта и писателя Александра Сергеевича Пушкина (1799—1837) на Кубани, отражение в его творчестве местных обстоятельств и мотивов давно и стабильно привлекают внимание специалистов (библиографию см.:1). Однако это значительно в меньшей степени относится к Среднему Прикубанью и верховым реки, которые крайне бегло затрагиваются пушкинистами. Между тем, именно здесь до сих пор остаются факты и загадки краеведческого характера, которые нуждаются в исследовании и популяризации, так как остаются неизвестны нашим землякам. Вот некоторые из них.

Летом 1820 года молодой поэт вместе с семьей генерала Н. Н. Раевского — героя Отечественной войны 1812 года и крупного государственного администратора — приехал на Кавказские Минеральные Воды, где в течение почти двух месяцев, по словам путевого дневника прославленного генерала, они наблюдали «смесь калмыков, черкес, татар, здешних казаков, здешних жителей и приезжих» (2, с. 338). Следует сразу же рассеять одно недоразумение: в литературе говорится, что «28 мая Раевские с Пушкиным выехали из Екатеринодара (нынешний Динепропетровск, — авт.) по дороге на Кубань и далее — на горячие, кислые, железные воды Северо-

го Кавказа» (2, с. 334). Это создает впечатление того, что Пушкин впервые посетил Кубань на заре лета, тогда как это не так, ибо дорога на Кавминводы шла от Таганрога по землям, принадлежащим Донскому войску по маршруту Аксай — Кагалыцкая — Донская крепость — Ставрополь — Георгиевск, оставляя Кубань в стороне.

Как отметил старший друг поэта П. А. Вяземский, Пушкин «поражен был поэзией природы дикой, величественной, поэзией нравов и обыкновений народа грубого, но смелого, воинственного, красивого» (2, с. 331).

Под впечатлением услышанных устных рассказов и под воздействием прочитанной литературы, рассказывающей о национальных слушах пребывания в плену у горцев российских офицеров (все они были к тому времени связаны с Чечней), рождается замысел написания романтической поэмы «Кавказский пленник». Работа длилась несколько месяцев и весной была завершена: отныне поэма заняла причитающееся ей достойное место в истории русской литературы и отражении в ней кавказской тематики.

В письме Н. И. Гnedичу от 24 марта 1821 года, сообщая об окончании нового произведения, Александр Сергеевич писал: «С вершин заоблачных бесснежного Бешту видел я только в отдаленье ледяные главы Казбека и Эльбруса. Сцены моей поэмы должны были находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущельях Кавказа — я поставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил два месяца, — где возвышаются в дальнем расстоянии друг от друга четыре горы, отрасль последняя Кавказа...»

Казалось бы, поэт недвусмысленно указывает на «Кавминводские ориентиры» сюжета и локализации своей поэмы. Но тут не все просто, ибо на обратном пути в Россию (через Крым) поэт проезжал вдоль Кубани (через Прочный Окоп, Темижбек, Кавказскую, Усть-Лабу, Екатеринодар и Тамань), воочию наблюдая здесь ход непростых и противоречивых в ту пору российско-горских взаимоотношений (3).

Притом, раздольные «закубанские равнины» открылись А. С. Пушкину с высокого кубанского правобережья, от крепости Прочный Окоп и его ближайших окрестностей. Вместо краеведения на этот счет существует стойкая версия: «За станицей Прочноокопской старая Ставропольская дорога делала крутой поворот к высокому правому берегу реки. Это место получило название Пушкинской высоты. Здесь установлена стела с барельефом поэта, высажены деревья и кустарники.

Считается, что именно отсюда молодой Пушкин впервые увидел необозримые закубанские дали, покрытые густыми зарослями леса, многочисленные рукава полноводной реки. Рядом с этим местом находилась почтовая станция, где меняли лошадей в то время, как путешественники отдыхали. Пушкинская высота является экскурсионным объектом» (4, с. 22).

Вряд ли все здесь достоверно, так как в пушкинские времена ставропольская дорога выходила прежде всего к узловой и господствующей на местности крепости Прочный Окоп, и лишь затем шла вдоль крутого берега вниз по течению реки. Но в любом случае внезапно открывшиеся взору «закубанские равнины» так поразили, так запомнились, что стали чуть не расхожими образами в целом ряде пушкинских произведений. Судите сами:

Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальний край, долины обгорели,
Жилище дикое черкесских табунов,
Подкумка знайший брег, пустынные вершины,
Обвитые венцом летучих облаков,
И закубанские равнины!...

(«Я видел Азии бесплодные пределы...»)

Напоминают мне оне
Кавказа горные вершины,
Лихих чеченцев на коне
И закубанские равнины.

(«Не пой, красавица, при мне...»)
Простите, снежных гор вершины,
И вы, кубанские равнины;
Он едет к берегам иным...

(«Отрывки из путешествия Онегина»)

Поэт зорко разглядел, что все эти «долины» и «равнины» — «жилище дикое черкесских табунов», т. е. они используются прежде всего не для постоянного обитания горцев, а в качестве сезонных (зимних) пастищ. А в письме к младшему брату Льву Сергеевичу местная ситуация описана и проанализирована куда как обстоятельнее: «Видел я берега Кубани и сторожевые станицы — любовался нашими казаками. Вечно верхом; вечно готовы драться; в вечной предосторожности! Ехал в виду неприязненных полей свободных, горских народов. Вокруг нас ехали 60 казаков, за ними тащилась заряженная пушка, с зажженным фитилем. Хотя черкесы нын-

че довольно смирны, но нельзя на них положиться; в надежде большого выкупа они готовы напасть на известного русского генерала. И там, где бедный офицер безопасно скакет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан... Ты понимаешь, как эта тень опасности привлекает мечтательному воображению...»

Известное понимание местной тревожной ситуации свидетельствовано Пушкиным не раз. В другом письме он поясняет: «Кубань — граница, на ней карантин. И строго запрещается казакам переезжать...», а в самом «Кавказском пленнике» дает выразительную картину «черкесских» стремительных рейдов-набегов за добычей:

...И дикие питомцы браны
Рекою хлынули с холмов
И скачут по брегам Кубани
Сбирать насильственные дани...

Как видно, кубанские мотивы, наблюдения сильно занимали поэта. Но ведь и не все прямо отразилось в его творчестве!

В прекрасном двухтомнике «Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками» (Москва, 1987 г.), на который мы уже ссылались выше (2), приведена одна из стойких кавказских легенд как «Пушкин и младшие Раевские отправились в горы на мыс, образованный слиянием рек Ольховки и Березовки (это — теперешний Кисловодск — авт.). Там их потчевали в духане форелью, только что выловленной старым инвалидом-казаком, ковылявшим на своей деревяшке. На груди у него был Георгиевский крест, и приезжие господа поинтересовались, за что он его получил..»

«Давным-давно это было, — начал старый воин, — так давно, что вас никого еще на свете не было, — тогда только начали садиться на Кубани запорожцы. Раньше того на Кубани же, выше Урупа, оселась и наша станица. Житье было привольное, да только без винтовки, с позволения сказать, и до ветру нельзя было выйти. Так, по ночам, на берегу Кубани, мы держали чати, так сказать, бекеты (кубанское произношение слова «пикет», — авт.), чтоб он, татарин, невзначай не нагрянул с того берега. Так вот, ваши благородия, сижу я как-то ночью в секрете, поглядываю на реку, а ночь, сказать бы, была темнее темного, ничего не видно — только слышно, как вода в реке с камышами шепчется. И вдруг это, ваши

благородия, что-то пролетело в воздухе, словно птица, да мне прямо на шею! Не успел я вскочить, оно поволокло меня, да прямо в Кубань. Это меня, значит, словно овцу, арканом захлестнули и поволокли — и крикнуть не успел. Диви только, как я не захлебнулся в воде! Слыши, уж я на том берегу, и мне рот кляпом забивают. Забили — диви только, как не задохнулся.

Дальше, само собой, пошел трогательный рассказ о любви русского плениного и черноглазой черкешенки, о том, как она, плакая и рыдая, своими руками распилила ему кандалы, чтоб мог он бежать; о том, как звал-умолял ее с ним в Россию, а она отвечала: «Нельзя мне: я родилась в горах и умру в горах». Выслушав рассказ, Пушкин будто бы спросил: «А хороша была девушка-то?» «Уж так-то хороша, ваша милость, что и сказать не умею», — ответил старый казак».

Разумеется, герой «Кавказского пленника» дан совсем не таким, каким «выступает» в этом рассказе старый казак, и многие сцены не те... Но угадывается все же какая-то встреча, первоначальный импульс в виде впечатлений, пришедших со стороны верховий Кубани. Не они ли и побудили поэта вполне заняться темой, упорно его интригующей слухами, переданными рассказами очевидцев и модной в русском обществе литературой о людях, побывавших в чеченском плену? Ведь есть и удивительно близкие совпадения в воспоминаниях кубанского казака и в стихах поэмы. Ну, что стоят, например, такие черты сходства повествования инвалида-казака из чистового варианта:

Его настигнул враг летучий.
Несчастный пад на чуждый берег.
И слабого питомца нег
К горам повез аркан могучий...

Но ведь никто ранее не пытался проверить хронологию легенды, увязать ее с конкретной местностью и реальными обстоятельствами! А получается крайне интересно.

«Давним-давно» в устах старого казака, когда «вас никого еще на свете не было», — это конец XVIII века, скорее старшим к той компании, а ему напомню, 21 год). Действительно, именно тогда, в 1792—1794 годах черноморские (запорожские) казаки стали селиться в низовьях Кубани. Однако еще несколько ранее «на Кубани же, выше Урупа» образова-

лась станица казака-рассказчика. Многое прояснится, если знать, что примерно в 8 верстах к юго-востоку от Прочного Окопа на правом берегу Кубани в 1787 году был выстроен редут Убежный, рядом с которым поселились станицей донские казаки («линейные», как стали они вскоре зваться), принявшие на себя во многом охрану, оборону и «оживление» этого отрезка «кубанского кордона». Сегодня здесь раскинулась станица Убединская, в числе основателей которой был, очевидно, и тот безымянный казак, что занимал Пушкина своими воспоминаниями. К слову сказать, уже в те годы пушкинский собеседник был зрелым, матерым казаком, потому что по давней казачьей традиции «в ночные секреты назначались самые опытные казаки с зорким зрением и тонким слухом» (13, с. 21). Но, как видим, и они попадались впросак!

Между прочим, в цитировавшемся уже письме брату А. С. Пушкин обещал: «Когда-нибудь прочту тебе мои замечания на черноморских и донских казаков — теперь пока не скажу об этом ни слова». К сожалению, эти «замечания» до нас не дошли, но они выдают глубокий интерес поэта и его умение квалифицированно различать эти два казачьих массива, представленные на берегах Кубани. Речевая же характеристика убединского казака, данная в записи его рассказа, не оставляет сомнений в том, что он по происхождению и говору именно русский, дончак, но не украинец.

Так (пусть со вполне понятной гипотетичностью) кубанские мотивы начинают звучать все более настойчиво и громко в связи с замыслом и реализацией сюжета «Кавказского пленника». И, возможно, еще одним аргументом может послужить хорошо известная пушкинская гравюра С. Галактионова «Кавказский пленник», выполненная в 1824 году (см. ее воспроизведение: 5, с. 175). Иллюстрация к поэме передает вид отнюдь не «четырех гор» района Кавминвод и не суровые хребты Чечни и бассейна Терека. Сцена изображает (стилизованно и заметно наивно) свидание горянки и русского пленника на просторной равнине, близ плетня, окружающего нехитрые черкесские постройки, на фоне близких, довольно мягких по очертанию гор, дающих жизнь живописному водопаду.

Разумеется, гравюра С. Галактионова не отображает какого-либо определенного места, но общий рисунок ландшафта все же существенно близок прикубанскому. Так, по крайней мере, видится нам.

И еще одно. Говоря о содержании «Кавказского пленника», Пушкин писал: «Черкесы, их обычаи и нравы занимают боль-

шую и лучшую часть моей повести». Притом автор, понимающий всю сложность обстановки в Закубанье, отнюдь не стремится драматизировать ее перед читателем. Как справедливо акцентирует один из современных исследователей Пушкина, «иссматря на звон клинов и запах пороха, обстановка в поэме сугубо мирная. Она и начинается так:

В ауле, на своих порогах,
Черкесы праздные сидят...

Они вспоминают о прошлых набегах, разоренных силах и ласках черкесских пленниц. Их беседы текут в тишине. Захват пленника — это не организованный набег, а удачливость архана-одиночки» (б, с. 47—48).

А. С. Пушкин, пристально и отнюдь не враждебно взглядаваясь в быт горцев, впервые ввел в русский литературный язык новые инозычные слова — аул, узден, шашка, сакля, кумыс, чихир, байрам, рамазан и т. п. Пройдет около десяти лет и, случайно перечитав свою почти юношескую поэму, Александр Сергеевич запишет в путевом дневнике: «Все это слабо, молодо, нелепо, но многое угадано и выражено верно...»

Угаданы были не только обычай и быт черкесов. Была во многом разгадана и многовековая история русско-адыгских взаимоотношений.

В эпилоге к «Кавказскому пленнику» звонко прозвучал летописный и поэтический («Слово о полку Игореве») сюжет, о поединке тмутараканского князя Мстислава Удалого с касо-жским (адыгским) вождем Редедей. Он запал в душу, и в 1822 году А. С. Пушкин, переносясь мысленно на Кубань составляет (но, правда, так и не заканчивает) план поэмы «Мстислав», в которой фантастически должны были переплестись судьбы разных деятелей и народов. «Царевна» касогов (предков адыгейцев, — авт.) влюбляется в Мстислава; он увлечен чародейством в Кавказские горы, куда его сопровождает русский былинный богатырь Илья Муромец и где они оказываются в среде касогов... (7, с. 32; 8, с. 10).

Спустя 9 лет, уже после второй поездки на Кавказ, Пушкин замыслил план поэмы «Русская девушка и черкес», где должно было все повернуться наоборот: пленник черкес полюбил русскую девушку-казачку и просит ее:

Полюби меня, девица,
Нет!
Что скажет вся станица?
Я с другим обручена.
Твой жених теперь далече...

Впрочем, этот замысел не обязательно связан с берегами Кубани, так как вопреки мнению, встречающемуся в специальной литературе, А. С. Пушкин вовсе не «проезжал через Алыгу и Кубанскую область» (8, с. 27), каковых, кстати сказать, в его время не было в качестве административных единиц. В пору его путешествия «в Арзрум» маршрут поездки не затронул кубанские берега. Но воспоминания о них и раздумья о судьбах жителей их берегов теснились в пушкинском уме, не давали покоя, требовали новой, более глубокой и честной оценки.

Отсюда в знаменитой повести-отчете, повести-анализе рождаются следующие строки: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам».

Как интересно и полезно сравнить это высказывание с приведенными выше суждениями 1820 года, чтобы понять эволюцию взглядов великого поэта. И, главное, теперь он уже сплошь не упирает на силу оружия, на «благородный гений» Ермолова и его преемников в кавказском генералитете. А. С. Пушкин вынашивает собственную программу прочного налаживания горско-российских отношений, в том числе и опираясь на реальную практику Прикубанья.

Первое — разоружить черкесов, но тут же и сам сомневается в возможности этого. Второе — развитие русско-кавказских торговых отношений. Для этого, как он считает, необходимо России приобрести восточный край Черноморского побережья и отрезать черкесов от торговли с Турцией. А в пользу торговли для русско-горских отношений поэт мог не раз убедиться лично во время своих поездок, наблюдал, например, меновный двор в Прочном Окопе — крупнейший на Средней Кубани.

Третье важное средство — внедрение в черкесский быт более передового европейского образа жизни. Вовсе не наивно звучит определение русского самовара ««как важного нововведения». Застолья с чаепитиями и долгими совместными беседами питали не одну дружбу между русскими людьми и горцами...

Больше всего поэт возлагал мечты (и это, к сожалению, было утопией!) на христианизацию горцев: «Есть средство бо-

лее сильное и нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедование Евангелия».

Идея такого рода в ту пору буквально «носилась в воздухе» среди наиболее передовой части российской общественности. Они перекликались по духу с кавказскими проектами Н. С. Мордвинова, Н. Н. Раевского, А. С. Грибоедова. Они заражали мыслящую часть офицерства Кавказского корпуса, также как и видных представителей российской ориентации среди самих черкесов.

Вот строки из переписки 1823 года адыгейского писателя Султан Крым-Гирея с командующим войсками на Кубани «генерал-майором и кавалером» Власовым-I-м: «...Ежели просвещение и христианство существуют в Российском государстве, то соседствующие народы наверно будут введены в оное; и тогда только может быть ввержены в забвение все предслушившиеся вражды, и благодарное миролюбие восследствует во славу бога умягчителя сердец воинов» (9).

В пушкинской программе упрочения русско-горских связей было немало рационального, но в конкретных условиях разгорающихся в Прикубанье военных действий она не могла быть выполнена...

И все же собранные и сопоставленные нами некоторые краеведческие штрихи в судьбе и творчестве А. С. Пушкина дают большую пищу для понимания той «встречи» огромных сил духа и чувств у людей разных языков, нравов, религий, что происходила на берегах Кубани и свидетелем и участником которой был великий русский, российский литератор и мыслитель (10, 11, 12).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Веленгурин Н. Дорога к Лукоморью. Краснодар. 1976.
2. Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками. Том первый. Москва. 1987.
3. Военно-историческая карта северо-западного Кавказа с обозначением существующих ныне крепостей, укреплений, редутов, фельдшанцев, постов и главнейших кордонных линий, устроенных русскими войсками с 1778 по 1864. Составитель Е. Д. Фелицын. Издание военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа. Тифlis. 1898.
4. Армавир. Краснодарское книжное издательство. 1983.
5. История народов Северного Кавказа с конца XVIII в. по 1917 г. Москва. 1988.
6. Кусов Г. И. Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А. С. Пушкина. Издание 2-е, дополнительное. Орджоникидзе. 1987.

7. Семенов Л. П. Пушкин на Кавказе. Орджоникидзе. 1937.
8. Хоретьев А. О. Влияние России на просвещение в Адыгее. Майкоп. 1957.
9. Гос. архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 849. лл. 2—6.
10. Черейский Л. А. Пушкин и Северный Кавказ. Ставрополь. 1986.
11. Виноградов В. Б. Рецензия на книгу Л. А. Черейского «Пушкин и Северный Кавказ» //Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов-на-Дону. 1988.
12. Виноградов В. Б. Чернова Л. «На Кубани, выше Урупа...» (А. С. Пушкин и убежденный казак //Рассвет. 22 октября 1992).
13. Баеханов А. К., Баеханов М. К., Егоров Н. Д. Линейцы. Очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области //Вольная Кубань. 3 сентября 1992 г.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В 1833 году А. С. Пушкин написал письмо находившемуся в опале видному полководцу и государственному деятелю России, генералу Алексею Петровичу Ермолову (1777—1861). Он просил составить записки о его войсках и предлагал свои услуги в качестве издателя таковых: «Подвиги Ваши — достояние Отечества; Ваша слава принадлежит России, и Вы не вправе ее утаивать...» (1, с. 23—31). Хотя бы отчасти эти противоречивые подвиги и слава были связаны с пребыванием Ермолова на Кавказе, в том числе и на Средней Кубани...

6 апреля 1816 года реескриптом императора Александра I генерал Ермолов был назначен командиром отдельного Грузинского (с 1820 г. — Кавказского) корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии (2; 3; 4). Спустя полгода, он прибыл на Северный Кавказ. Дорога в Тифлис шла тогда из Ставрополя через Прочный Оконо направлению к Кавказским Минеральным водам и далее — вплоть до крепости Владикавказ и Военно-Грузинской дороги.

Изучая различные исторические документы, свидетельства современников и очевидцев, особенно интересно встречаться с собственноручными строками деятельного генерала. Такую возможность представляют, в частности, «Записки А. П. Ермолова 1798—1826 гг.», выпущенные массовым тиражом в 1991 г. издательством «Высшая школа» в Москве (5).

Совершая свой путь к Кубани, генерал вспомнил, что «двадцать лет назад проезжал я уже Кавказскую линию, будучи капитаном артиллерии, в молодых весьма летах и служа под начальством генерал-аншефа Зубова, который с корпусом войск действовал против персиян в 1796 году» (5, с. 270). Из

вестно, что российская крепость Прочный Окоп встала над крутым берегом Кубани за 12 лет до этого, а значит она была известна Ермолову в самый первый приезд.

С тех пор, однако, прошли немалые годы. Острее и резче стал взгляд опытного генерала и администратора. Отсюда — тревожная неудовлетворенность нововведениями своего предшественника, который «сменил линейными казаками шесть донских полков, служивших ранее на линии...», чем заметно подорвал сложившуюся систему обороны и жизнедеятельность среднекубанских станиц.

«Первое обстоятельство, обратившее внимание мое, были высланые мне навстречу конвойные команды из поселенных на линии казаков. Всегда отличались они от прочих особенной ловкостью, исправностью оружия, добротою лошадей. Я, напротив, увидел между ними не менее половины чрезвычайно молодых людей, нигде не служивших, и даже ребят... Должны были выйти на службу все малолетние и даже находившиеся в отставке казаки...» (5, с. 270). Не правда ли, — почти отеческий взгляд на нелегкую долю линейцев, напротив которых «от вершин Кубани по левому берегу живут подвластные Османской Порте народы под общим именем закубанцев, известные, воинственные, редко спокойные» (5, с. 282).

Впрочем, здесь есть и нюансы. Закубанские «черкесы» (предки современных адыгейцев) отнюдь не считали себя верноподданными Турции, что, между прочим, было очевидно многим современникам (6, с. 10). Во все еще мощной исламской державе они видели, скорее, союзника, с тревогой и опасением воспринимая цепь правобережных русских крепостей, редутов, станиц на Средней Кубани как посягательство на свою независимость, которую готовы были отстаивать всеми возможными средствами. Это не мешало, однако, провоцировать конфликты частыми набегами в российские границы, захватывая людей для «пленопродавства» в ту же Турцию и скот в качестве привычной добычи (4, с. 161—172; 7, с. 655—670). Набеги случались тем чаще, чем слабее была Кавказская линия. В те годы она оказалась в откровенном упадке...

Одним из первых кавказских мероприятий Ермолова стала инспекционная поездка по крепостям Среднего Прикубанья. Все они были найдены запущенными, в скверном состоянии. Вчитайтесь в ермоловские оценки: «Усть-Лабинская крепость... столь обширна, что по количеству наличных на линии войск ее занять надлежащим образом некем. В крепости нет ни одного строения каменного: казармы, провиантские мага-

зины, самый арсенал деревянные. Один небольшой колодезь, довольствоваться же водою из Кубани неприятель легко воспрепятствовать может; словом, подобные крепости не могут быть терпимы против неприятеля, каковы вообще здешние.

Кавказская крепость... лучше Усть-Лабинской, но крутой берег, на котором она лежит, обрушился от множества заключающихся в оном источников, и уже большая часть крепости в развалинах. Я отменил исправление оной...» (5, с. 301).

Не удовлетворил и осмотр Прочного Окопа — «небольшого укрепления, лежащего против малосильных кубанских народов и в худом весьма состоянии». К тому же еще «1817-й год примечателен был необыкновенным разливом вод, которые произвели величайшие опустошения в поселениях казаков Кубани» (5, с. 296). Сильно пострадала тогда и станица Прочно-окопская, лежавшая у подножия одноименной крепости. «Во время разлияния Кубань наполняла водой и через окна входила в жилища. Болезни и смертность превосходили вероятие...»

Генерал был быстр и решителен в своих действиях. Крепость подверглась расширению с усилением фортификации. За ее валами, к северу, быстро стал расти солдатский поселок Форштадт. А станица была перемещена на 4 километра вниз по реке — туда, где находится и поныне.

Пытаясь целесообразнее расположить защиту «кордонного фронта» на Средней Кубани, А. П. Ермолов рассуждал так: «Вообще можно сказать о правом фланге Кавказской линии, что по причине протяжения его и мест повсюду открытых нет никаких средств сделать его более твердым и оградить от нападений закубанцев, имеющих удобные через Кубань переправы во множестве. Должно приписать одному несогласию друг с другом живущих за Кубанью народов, что они далеко внутрь линии нашей не делают набегов, на что, по многолюдству их, легко бы могли решиться. Умножившееся в Кавказской губернии население заставило распространить жилища почти до самой Кубани, и потому наиболее подвержены они опасности. Неприятель имеет весьма сильную конницу; стоящие на кордоне казаки наши, если бы и не были рассыпаны на большом пространстве, не могли бы противостоять оной по несогласности сил, пехота же не имеет достаточной подвижности, чтобы воспрепятствовать набегам» (5, с. 302).

В «Записках» нашли описание многие эпизоды военных действий вдоль Кубани (от Усть-Лабинской крепости до верховий Урупа). Взаимные стычки, набеги горцев, репрессивные походы царских войск... Много внимания уделяется уходу

кабардинцев за Кубань для продолжения их борьбы. А. П. Ермолов старается быть объективным в своих информаций; он несколько не признает храбрость и боевое мастерство горцев. Но общий тон суров и неприязнен.

Вот описание крупного инцидента, случившегося в начале 1825 года: «...закубанцы, собравшись в больших силах, сделали нападение на Круглолесное солдатское селение и, разграбив большую часть оного, увлекли в плен до четырехсот душ обоего пола. Две роты пехоты, спешившие идти на помощь селению, встречены были особенною толпой закубанцев в превосходящих силах; и хотя перестрелка была весьма жаркая, но роты, опрокинув их, не допустили истребить всего населения, и неприятель обратился поспешно к Кубани.

Генерал-майор Сталь 2-й не мог с пехотою догнать его, но линейные казаки в числе до семисот человек с двумя орудиями конной артиллерии при самой переправе через Кубань ударили на толпы с решительностью, и неприятель в замешательстве бросался в реку, причем из собственного признания закубанцев потерю свою почитают они свыше полутораста человек убитыми и потонувшими. Немало погибло и наших поселян, захваченных в плен, ибо их всех не успели они переправить прежде.

Отбито пленных как в сем случае, так и при отступлении из Круглолесского селения, не более как до ста человек. Отгнанные стада вообще все остались в руках наших...» Такие вот тревожные будни! (5, с. 377—378).

Притом следует заметить, что военно-стратегический авторитет Прочного Окопа вырос к 1825 году настолько, что у его укреплений и на контролируемом им участке границы никакие бои не происходили. По этому поводу А. П. Ермолов замечает: «...находи все удобнейшие дороги на равнине захваченными нашими войсками, закубанцы принуждены были вдаваться в непроходимые пути почти у самого хребта Кавказа, где, испытав ужасный холод, бросивши вообще всех лошадей, потеряв много людей погибшими, возвратились за Кубань...» (5, с. 412).

Прочный Окоп постепенно превращался в главную из крепостей на этом участке кубанского побережья. Напротив него визкий левый берег был покрыт густым лесом. Пойменные чащобы покрывали и правый берег. А. П. Ермолов распорядился проложить от основания крепостных высот широкую просеку к реке (где находились броды, а впоследствии были устро-

ены паром и мост). Она стала именоваться «Ермоловской» и располагалась примерно там, где сейчас находится в Старой Станице улица Ставропольская (8, с. 25).

Генерал преследовал конкретные цели и вряд ли предполагал, что спустя 20 лет его опыт послужит рождению черкесо-гайского аула — родоначальника Армавира. В 1839 году (вновь, спустя 20 лет) навстречу Ермоловской просеке была прорублена такая же просека-дорога сквозь левобережный пойменный лес. И именно здесь под защитой орудий и гарнизона Прочного Окопа, расселились вышедшие из черкесских гор армяне, будучи, по словам организатора их перемещения сюда генерал-лейтенанта Г. Х. Засса, «обеспечены здесь как в гражданском, так и в военном отношении» (8, с. 25).

Но сам А. П. Ермолов вряд ли уже знал об этом. Впав в очередную императорскую немилость, он в тот год добился своего «увольнения» из Государственного совета и прочно поселился в имении отца своего — в селе Лукьянчикове Орловской губернии. Там он, возможно вдохновленный призывом А. С. Пушкина, привел в порядок свои подробнейшие дневники и изложил существенное их содержание в «Записках», которые позволили нам проследить (пусть очень бегло!) местные сюжеты в мемуарах именитого соотечественника. Совсем не исключено, что в период их написания опальный генерал не один раз мысленно переносился на такие далекие, но запомнившиеся ему берега Кубани.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Кусов Г. И. Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А. С. Пушкина. Издание 2-е, дополненное. Орджоникидзе, 1987.
2. Кавтарадзе А. Г. Генерал А. П. Ермолов. Тула, 1977.
3. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. Москва, 1988.
4. Олег Михайлов. Алексей Петрович Ермолов. Ленинград, 1972.
5. Записки А. П. Ермолова. 1798—1826. Москва, 1991.
6. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. П. Екатеринодар (Краснодар), 1910 (1992).
7. Классики марксизма-ленинизма о народах Северного Кавказа (XIX в.) Грозный, 1989.
8. Армавир. Краснодарское книжное издательство, 1983.

«СЫН КАВКАЗА — В РЯДАХ ПИСАТЕЛЕЙ...»

В первом и втором номерах прогрессивного журнала «Современник» за 1836 год при содействии и с послесловием А. С. Пушкина были опубликованы повесть («Долина Ажитугай») и очерк («Персидский анекдот»), принадлежащие перу кавказского писателя Султана Казы-Гирея (1807—1863). Пушкин-издатель с искренним волнением писал: «Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели перемянить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан-Казы-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как, наконец, магометанин с глубокой думою смотрит на крест, эту хоругвь Европы и просвещения...» (1, с. 169; 2, с. 11—28). Не заставил ждать себя с оценкой и В. Г. Белинский: ...«Долина Ажитугай» примечательна, как произведение черкеса, который владеет русским языком лучше многих наших почетных литераторов» (3, с. 180). Лестные отзывы от корифеев российской словесности!...

Биографии и деятельности Казы-Гирея посвящен ряд исследований, который венчает специальный труд нальчикского профессора Т. Х. Кумыкова (4). Нет нужды и не паша нынешняя цель пересказывать его содержание, комментировать творчество писателя. Сам Казы-Гирей в «Докладной записке» на имя главнокомандующего Кавказским корпусом и наместника Кавказа князя Воронцова от 28 августа 1846 года на 17 страницах поставил социальные, экономические и политические вопросы своей родины, определив собственную гражданскую позицию так: «Рассматривая положение дел на Правом фланге Кавказской линии, как человек, любящий родной край свой и его пользу, тем более преданный к пользам России, которой столь многим обязан, я не мог и не должен был оставаться равнодушным. Поэтому решился представить на благо усмотрение вашего сиятельства мое мнение не как руководство для вашего обращения, но как мысли человека, преданного к общей пользе» (11, с. 77). По оценке современных исследователей, вносимые Казы-Гиреем «предложения и идеи были

направлены на подъем общего уровня соотечественников, на дальнейшее развитие края по пути прогресса...». Так, по крайней мере, интерпретирует его творчество Т. Х. Кумыков (4, с. 16, 19).

Заметим, однако, что сам профессор признает: «Дальнейшие поиски материалов о Казы-Гирее продолжаются. Можно надеяться, что в будущем откроются новые источники, материалы и сведения» (4, с. 177). Надежды эти сбылись в последние годы. Новые открытия ногайского этнографа из г. Черкесска, кандидата исторических наук Рамазана Хусиновича Керейтова заставляют совсем иначе взглянуть не только на географию жизни горского писателя, но даже и на его национальность.

Впрочем, последнее вытекало еще из реплики А. С. Пушкина о том, что «черкес» Султан Казы-Гирей — «потомок крымских Гиреев»! Но ведь крымские ханы династии Гиреев — по происхождению и языку тюрки, то есть принадлежали совсем к другой группе народов, чем адыги! Здесь было какое-то противоречие...

И хотя отечественная историография упорно и бескомпромиссно именовала Султана Казы-Гирея «адыгским» или «черкесским писателем», резонно было ждать, что кто-то взглянет критично и придилично на устоявшуюся версию. Это и сделал Р. Х. Керейтов, получив принципиально важные результаты (5, с. 67—68; 6, с. 37—42; 11, с. 76—83).

Введенные им в научный и общественный оборот архивные материалы свидетельствуют, что генерал-майор Казы-Гирей (он завершил свою карьеру в этом высоком чине) был одним из крупных богачей, чей родовой аул на территории Тохтамышевского приставства на правобережье верховьев Кубани (современная Карабаево-Черкесия) в архивных документах именуется «иогайским». Ошибка в национальной принадлежности исключается хотя бы тем, что другой первоисточник 1824 года сообщает, что «прибыли ногайские султаны и мурзы, во главе которых стояли Саламат-Гирей и Казы-Гирей» (7, с. 159).

Еще один архивный документ, приведенный Р. Х. Керейтовым, гласит: «...аул Алакаевский из 150 дворов — в 10 верстах ниже Шабазовского, при урочище Май-Тутай; аул же Султановский из 121 двора в урочище Ажи-Тогай (при устье Зеленчука)». Отсюда с большой долей вероятности вытекает, что аул в урочище Ажи-Тогай (сравните «долина Ажитугай»!), что именуемый по владельцу «Султановским» принадлежал имен-

но Султану Казы-Гирею. Но случайно же в повести, опубликованной в «Современнике», так изобилуют тюркские названия местностей, легко переводимые на русский и очень грамотно толкуемые самим автором. Вот только единственный из многих убедительных примеров, проанализированных Р. Х. Керетовым. В повести «Долина Ажитугай» речь идет и о равнине Казьма, которая, «начиная с востока от устья Нижига или от Ажитугая идет к западу, к реке Уруп». В одном из архивных документов сообщается следующее: «...и от устья Большого Зеленчука, вниз к посту Донскому, а оттоль по прямому направлению через Казьму до Урупа». Между тем, местность на запад от современного села Ивановского до реки Уруп именно ногайцы до сего дня называют Казьмой, что буквально переводится как «вскопанное». На этой плодородной земле перешедшие к оседлости и земледелию ногайцы выращивали кукурузу, пшеницу, просо, бахчевые культуры. Звучание это старинное сохранилось в названии села Казьминское, не имеющем, вопреки поверхностному взгляду, прямой связи с русским языком. Отсюда, и недавно прославленный колхоз «Казьминский» Кочубеевского района Ставропольского края обязан своим названием ногайскому языку!...

Стонут ли удивляться, что из всего изложенного вытекает достаточно уверенный вывод: вопреки расхожим представлениям, приходится ставить под сомнение предположение об адыгском происхождении Султана Казы-Гирея и видеть в нем деятеля верхушечных кругов ногайских племен, которые, с одной стороны, на протяжении нескольких веков играли важную роль на берегах Кубани (черкесы пришли в низовья Зеленчука лишь в середине XIX века — 8, с. 238), а с другой, — длительно находились в прямом родстве с крымскими Гиреями-ханами.

Серьезные аргументы ногайского этнографа можно дополнить, обратившись к рисунку знаменитого на Кавказе в середине прошлого века российского художника и друга М. Ю. Лермонтова Григория Григорьевича Гагарина. Он изображает Султана Казы-Гирея в форме российского офицера. Портрет этот достаточно известен (см. например: 9, с. 241), но лишь недавно, работая над ним со студенткой Армавирского госпитинститута Люсей Черновой, мы обратили внимание, что изображение лица позириующего кавказца, имеет видимые, хотя и сильно смягченные черты монголоидности, присущие

ногайскому антропологическому типу (плоское скуластое лицо с заметно приплюснутым носом, небольшая припухлость верхних век и раскосость глаз), (10, с. 11—18). В условиях многовековых смешанных браков у феодальной верхушки кавказских народов о чистоте расовых признаков говорить не приходится. Но на рисунке Г. Г. Гагарина Султан Казы-Гирей выглядит, как ногаец.

Однако у читателей может резонно возникнуть вопрос: причем здесь Краснодарский край и округа города Армавира с близлежащими районами? А вот причем: «С XV до середины XIX века территория от устья Кубани до ее верховий была занята родо-племенными подразделениями ногайцев. По сведениям XVIII века кубанские ногайцы кочевали вдоль Урупа, по Кубани и обоим Зеленчукам... По словам авторитетного учебного начала XIX века С. Броневского между Большим Зеленчуком и Урупом находились мансуровцы — одна из этнических групп ногайцев (10, с. 51). Но ведь, когда в 1824 году депутация ногайских «султанов и мурах во главе Саламат-Гирея и Казы-Гирея» прибыла в Прочный Окоп и принесла (после периода вражды и трений) присягу верности, то «они изъявили покорность без всяких условий и поселили их на Кубани от впадения Малого Зеленчука до Урупа, замыкая, таким образом, весь промежуток между поселениями Эдиге Мансурова и Измаила Алиева» (7, с. 159).

Следовательно, владения ногайских соплеменников Султана Казы-Гирея охватывали по крайней мере оба берега Кубани и правобережье Урупа на территории нынешнего Успенского района нашего края, подходя вплотную к узловой российской крепости в этих местах — Прочному Окопу. А это значит, что Султан Казы-Гирей, пережив отроческое и юношеское противостояние по отношению к России, в зрелые годы оказался плотно включенным в орбиту ее воздействия на кавказские степные и горские племена и верно служил ей.

Достаточно сказать, что «генерал-майор Султан Казы-Гирей прослужил более 37 лет и в последнее время состоял при Кавказской армии. Участвовал в походах и сражениях в 1827, 1830—31, 1843—45, 1850, 1854—55 годах. За оказанное мужество и храбрость удостоился получить ордена: Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 2-й степени, золотую шашку с надписью за храбрость». Одно время он командовал созданной для несения кордонной службы на Северном Кавка-

зе Ногайской милицией, а также служил в должности бригадного командира в станице Баталлашинской.

Недавно установлено, между прочим, что с Казы-Гиреем встречался в июле 1852 года (но не 1851, как ошибочно указывает Р. Х. Керейтов!) молодой Л. Н. Толстой, будучи в Пятигорске (12, с. 126), и это протягивает еще одну нить для перспективных поисков его связей с передовой российской литературной общественностью (11, с. 82—83).

В 1846 году Казы-Гирей восторженно и вполне убежденно заявлял: «Россия стала моим вторым отечеством, не менее родным, и ея пользы не менее драгоценными, тем более, что из пользы России только может истечь благо моего родного края» (4, с. 74).

Казы-Гирей придавал большое значение развитию разнообразных связей Закубанья с Россией. В «Записках», представленных им в 1846 году князю М. С. Воронцову (наместнику Кавказа), онставил вопрос о разработке местных природных богатств и развитии торговли на Кубани. По его мнению, прежде всего надо было бы образовать особый аул на левом берегу Лабы, который должен стать экономическим, политическим и культурным центром, притягательной силой для горской молодежи. Со временем он станет выполнять функции города (вот предвосхищение истории возникновения и судьбы города Майкопа — столицы нынешней Адыгейской Республики!). Казы-Гирей выражал озабоченность тем, что горцы мало ценят свою землю. Он предлагал меры по возбуждению у кавказцев интереса к промышленной разработке природных богатств. В основе его идеи о рациональном использовании даров природы лежала мысль о постепенном вовлечении местного народного хозяйства в общероссийскую экономическую жизнь (9, с. 247).

Видный ногайский деятель не раз бывал в укреплении Прочный Окоп, на Фортштадте, в линейной станице Прочноокопской, а впоследствии и в ауле Армавир. Здесь знакомился он с правами, обычаями и культурой россиян разных национальностей и сословной принадлежности; заводил «прительство» с офицерами, солдатами и казаками, с многими представителями российской культуры и общественной мысли, которые жили или бывали проездом в этих местах.

Тем самым ногайский общественный деятель и писатель, российский гвардейский офицер Султан Казы-Гирей явля-

ется нашим земляком. Его литературная и общественная слава связана с близкими нам районами Кубанского побережья. Его судьба типична для этой эпохи, когда сквозь все терни и драмы закладывались основы общей российско-кавказской дороги на полях будущего, где многонациональная Россия становилась Родиной сынов многих народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Современник. Т. 1. Санкт-Петербург. 1838.
2. Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик. 1980.
3. Белинский В. Г. Поли. собр. соч. Т. 2. М. 1953.
4. Кумыков Т. Х. Казы-Гирей. Нальчик. 1978.
5. Керейтов Р. Х. Из истории общественной мысли Северного Кавказа в XIX в. // Археология и краеведение — вузу и школе (Вторая региональная научно-практическая конференция). Грозный. 1985.
6. Керейтов Р. Х. Султан Казы-Гирей и его жизнь//Половецкая луна. № 1. Черкесск. 1991.
7. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3, ч. 2. Тифlis. 1904.
8. Калмыков И. Х. Черкесы. Черкесск. 1974.
9. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в.— 1917 г. М. 1988.
10. Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х. Сикалиев А. И. Ногацы. Историко-этнографический очерк. Черкесск. 1988.
11. Керейтов Р. Х. Новое о Казы-Гирее//Вопросы археологии и традиционной этнографии в Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1987.
12. Махлевич Я. Л. Цюрих — Петербург — Кавказ. «Живописное путешествие» Якоба Мейера в 1842—1845 годах//Панорама искусства. Москва. 1984. № 7.

«ОТСТУПЛЕНИЯ СО МНОЙ НЕТ, НЕ БЫЛО И НЕ БУДЕТ...»

В число наиболее известных, сложных и противоречивых личностей, сыгравших большую роль в истории Северного Кавказа первой половины XIX века, входит генерал и барон Григорий Христофорович Засс (1797—1883). Остзейский немец по происхождению и быстро продвигающийся по службе рос-

сийский офицер — он в одном из собственноручных документов 1841 года написал: «...я служу на Кавказе 20 лет», и уже одно это ставит его в славный ряд так называемых «ermolovцев», испытавших на себе вызванную самыми разными силами так называемую Кавказскую войну в ее первом периоде проявления.

К 1833 году, будучи в чине полковника, Г. Х. Засс командовал Моздокским полком на Терской линии, где проявил во время походов в Чечню и Дагестан свои незаурядные свойства: колоссальную личную храбрость, решительность и неустрашимость характера. Ориентируясь именно на них, генерал-лейтенант Вельяминов, бывший в то время командующим войсками Кавказской и Черноморской линий, назначил молодого и деятельного офицера начальником Баталпашинского кордонного участка, по праву считавшегося самой опасной частью всей системы обороны в Пятигорье и на Кубани. Притом Вельяминов предоставил новому начальнику исключительное право — для обеспечения пограничной линии от набегов горцев и иных враждебных вылазок — действовать по личному усмотрению, без особого предварительного разрешения начальника Кубанской линии. Это доверие свидетельствовало о многом! (1, с. 8).

Уместно привести мнение Ф. А. Щербины по поводу наревавших событий: «И вот с этим-то боевым офицером черкесам пришлось в первый раз серьезно считаться на Старой линии в 1833 году. Засс, начал свою деятельность с основательного знакомства с местностями, прилегавшими к кордонной линии как с русской, так и с черкесской стороны. Составивши отряд из хоперских и донских казаков, из двух рот пехоты, с двумя конными орудиями, он направился с ними через Кубань и двинулся к р. Большому Зеленчуку. Черкесы, следя за движениями отряда, собрали большую партию, чтобы произвести нападение в удобном для них месте при возвращении отряда. Засс угадал их намерения и сам выбрал такую местность. Оставивши засаду из всей пехоты в лесистой балке за р. Зеленчук, он продолжал движение с остальным отрядом. Горцы, выбравши удобный момент, ринулись сразу всей массой в атаку на отряд. Засс быстро построил казаков в боевой порядок, дал два орудийных залпа картечью по приближавшимся горцам и в то время, когда они смешались, стремительно атаковал в свою очередь противника. Черкесы не выдержали удара и бросились к Зеленчуку в лес, но здесь их встретили залпами из ружей солдаты. Черкесское ополче-

ние окончательно расстроилось, и горцы в одиночку и мелкими группами стали искать спасение в бегстве...

С 1833 г. начинается как бы поворот в военных действиях линейных казаков...» (2, с. 401—402).

В результате целого ряда организационных, административных и военных мер Г. Х. Засс добился решительных успехов в наведении относительного спокойствия на вверенном ему участке линии. Прежде всего, он «за короткое время отучил горцев от вторжений за линию незначительными партиями, а большие их отряды вообще бывали редко. О них Засс всегда узнавал от лазутчиков за несколько дней. Он, предупреждая нападение противника, сам нападал на него и разбивал, если тот заблаговременно не отступал. Жители станиц, огражденные от внезапных вторжений, начали без страха заниматься полевыми работами, ездить по Линии во всякое время дня и ночи...» (1, с. 9).

Уже в 1833 году все горцы, жившие до реки Лабы — карбardinцы, бесленеевцы, багоевцы и медоевцы, поселившиеся в ущельях Зеленчуков и Урупа, просили Засса о мире, выдавали аманатов (заложников-гарантов верности) и переселялись на указанные им плоскостные местности. В следующем году наблюдались лишь мелкие набеги маленькими группками. Они доставляли немало волнений, забот и горестей, но общий климат «на кордоне» стал совершенно иным, чем прежде.

Выдержав проверку в самой «горячей точке» линии, полковник Засс в 1835 году был назначен начальником всей Кубанской линии. Он переехал жить в крепость Прочный Окоп, где его резиденция и пребывала вплоть до конца кавказской службы военачальника. Притом, барон заблаговременно и весьма тщательно составил план «для ограждения и успокоения» очень значительной линии прочноокопского кордона от станицы Николаевской до границ Черноморского Войска. Прежде всего он сконцентрировал достаточно войск, удачно разместив их и дав строгие инструкции по первоочередным действиям.

Сам же поселился внутри крепости в юго-восточной её части в одноэтажном домике с верандой. За домом было заботливо выращено несколько деревьев и густо кустилась сирень. Поддерживая надлежащий порядок, это место стали громко именовать «полковой сад».

В первый же день приезда новый начальник произвел стройшую ревизию крепости. Он приказал дать немедленный

ремонт обветшавшему помещению для холостых офицеров, предпочитающих снимать квартирки в станице и форштадте, лежащих неподалеку. Ему не понравилось месторасположение порохового склада и соседство кузницы и бани, после чего были проведены необходимые перемещения. Вследствие их окончательно обрисовалась и благоустроилась внутри валов Прочного Окопа немалая площадь, служившая целям местовой торговли с горцами в периоды мирного затишья на линии; а спустя год, Засс ввел регулярные прочиоокопские ярмарки, открытие которых проходило весьма торжественно и празднично, причем всегда в сопровождении большого военного духовного оркестра. Здесь многочисленные «приязненные горцы» приобщались к возможностям российского рынка. Кроме фабрично-заводских товаров, неизменным спросом пользовалась соль — постоянный дефицит в кавказских горах...

Стойкая краеведческая мольва, отразившаяся и в кое-каких опубликованных газетных очерках, и в экспкурсионных заготовках Армавирского и Новокубанского музея, приписывает Зассу еще один элемент крепостного «благоустройства»: по его же приказу внутри валов Прочного Окопа был якобы насыпан курган — специально для того, чтобы на нем рубить головы испокоренным горцам.

Предание это порождено некоторыми зафиксированными в источниках проявлениями «варварских манер» начальника Кубанской линии (о них речь пойдет ниже!). Однако ни сам характер этой сохранившейся до наших дней внутрикрепостной привратной насыпи, служившей, очевидно, для сооружения на ней сторожевой вышки дальнего обзора напольной стороны — самой узнаваемой для гарнизона укрепления; ни сам состав информации письменных документов и свидетельств не дает никаких оснований считать искусственно насыпанный холм специально сооруженным и постоянно используемым местом жестокой казни воюющих против России кавказцев. Напротив, есть серьезные основания утверждать, что мерзкий обычай отсекания головы уже убитым противникам был в ту пору распространен на поле боя, не касаясь совершенно пленных и раненых.

Достаточно в этой связи обратиться к страницам литературного произведения очевидицы многих событий тех лет в Прочном Окопе и вокруг него Екатерины Лачиновой. Саркастически-ядовито, карикатурно воспроизведя в своем памфлете образ генерала Засса («пришелец от стран Запада, белокурый, с длинными рыжими усами», окруживший себя немцами,

за что и крепость — его резиденция получила у линейных казаков прозвище «Немецкий Окоп») и передавая исковерканную русской речью его разнос капитану, вернувшемуся из похода в горы, писательница все же отобразила истинную ситуацию: «...До сорок тел убитых черкес и башка не привозил; что бы ты велел казак голова руби и притронуть к седлу; да еще черкес пятнадцать ранен; взял в плен, на кой черт их? Голова долой и мне прислал!» (3, с. 14). Даже этот издевательски оранжированный монолог не оставляет сомнений в том, что кровожадный «ритуал» проводился далеко прочь от генеральской резиденции...

Как говорится, не убавлять не прибавлять к образу исторического лица ничего не нужно. Лицо это само бывает достаточно выразительно! Тем более если это — генерал-майор, а потом и генерал-лейтенант действующей армии, командующий правым флангом Кавказской линии. За такой личностью бывает много поступков!

Если задаться целью (хотя бы в самом кратком виде) охарактеризовать чисто военные действия, замыслы и предприятия барона Г. Х. Засса в 1835—1842 годах; осмыслить и проанализировать их ближние и дальние последствия — не хватило бы и всего этого пособия. Да вряд ли в том есть и нужда, ибо любой желающий ознакомиться с этими вопросами может обратиться к более или менее доступной литературе, содержащей необходимые сведения (см. например: 1; 2; 4; 5; 6; 7; 8). Попытаемся сделать другое: не теряя из виду военно-административный ракурс конкретного отрезка биографии генерала Засса, сконцентрируем внимание на его личностных чертах, характере, дошедших до нас следах его миропонимания и манеры повседневной жизнедеятельности.

Сделать это и легко, и трудно одновременно. Легко потому, что Засс был известен многим и писали о нем многие и много. Стоит лишь вспомнить частые свидетельства и воспоминания сослуживцев и подчиненных, ссылочных декабристов и сочувствующих им лиц на Кавказе, строки литературных произведений и дореволюционных исследовательских работ (более поздние научные труды тут уже бесполезны, так как «печать имперского проклятия» густо, порой до неузнаваемости меняла лики прошлого!), наконец, фольклорные произведения, донесшие до нас отголоски истинно народной (русской, казачьей, горской) памяти об этом деятеле. Казалось бы, при таком оби-

лии исходных данных берн и пиши своего рода психологический портрет! Но не так-то просто это дело!

Несколько не претендуя на всеобщность охвата, в нынешнем очерке использованы суждения и наблюдения не только современников барона, но и его исследователей, интерпретаторов его слов, действий и поступков. И легко убедиться, как противоречивы, часто взаимопротивоположны оценки людей, знавших или изучавших Г. Х. Засса! Читатель должен подготовиться к тому, что один и тот же факт, подвергается совершенно разной интерпретации у тех, кто дружествен, приязнен, понятлив к генералу и у других, кто не разделяет его мировоззрения, не может или не хочет понять внутренних мотивов его конкретных действий и проявлений. Спектр мнений будет представлен достаточно широко, а выводы для самого себя предлагаем сделать читателю!

Ф. А. Щербина, прекрасно знавший все перечисленные только что источники, сформулировал свое понимание проблемы так: «...Григорий Христофорович Засс был типичный боевой деятель, не знавший ни устали, ни препятствий и живший одною мыслью о разнообразных способах борьбы с горцами.

Горцы сразу поняли и верно оценили Засса. С свойственной им наивностью детей, верующих в темные силы, они назвали его «шайтаном», т. е. чертом и серьезно считали его чародеем. И не удивительно. Засс то неожиданно являлся с отрядом там, где трудно было даже предположить появление русских по недоступности, то устраивал для черкесов засаду, которая и в голову не могла прийти самому хитрому горцу, то заставал врасплох людей, которые всю жизнь привыкли бодрствовать и не выпускать из рук ружья и шашки, то хитростью заставлял горцев делать самые глупые ошибки в их военных предприятиях, то орлом пролетал со своим отрядом из края в край по черкесским землям и владениям.

В русской военной среде о Зассе ходила масса анекдотов, характеризовавших его как военного фокусника. В одном случае он превращал на глазах горцев порох в червонцы, в другом, при выстреле в него из пистолета он бросал пулю обратно в стрелявшего, в третьем он умирал на виду не только у горцев, но и у русских, и в ту же ночь пробирался в горные трущобы и громил черкесские аулы, население которых достоверно узнало о смерти шайтана Засса. Все это, если действительно происходило, то было, конечно, не серьезным военным искусством, а своего рода фокусничеством.

Но Засс был не только фокусником, но и замечательным знатоком военного дела и особенно тех местных условий, среди которых ему приходилось действовать. В этом, собственно, заключалась его сила и громадный авторитет. Он знал, внимательно следил, получал всевозможные сведения и часто с разительной точностью предугадывал, где и что происходило у черкесов и к чему клонились намерения его противников. Изучивши до тонкости черкесскую тактику и приемы, он часто их правом можно сказать, что он был словно бы рожден для партизанской боевой жизни (1, с. 10)!

И вновь условимся, что оставим в стороне упомянутую выше «массу анекдотов», хотя они по-своему и характеризуют изобретательность, даже изощренность зассовского ума, а также и его откровенную склонность к юмору (порою, правда, тяжеловесному). Все эти нерядные случаи довольно описаны (в самых разных вариантах) в уже названной литературе. Однако вряд ли ошибается вдумчивый краевед А. М. Яковенко, когда, опираясь на авторитет декабристов, близко знавших генерала Засса, вскользь замечает, что «половина из них — выдумки», рожденные экстравагантностью поведения Засса (8, с. 4).

Впрочем, даже внешность и характер Григория Христофоровича виделись его знакомцам очень разными. Давайте сопоставим!

Искренний и непосредственный в своем восприятии Н. М. Сатин аттестовал Засса «веселым, честным немцем», чьим господствием он и его друзья-декабристы «часто пользовались» в 1837 году. Он же подчеркивает, что Засс «был известен тогда на Кавказе под именем «храброго генерала» (9, с. 191). Саркастический словесный портрет, нарисованный Е. Лачиновой, уже приведен выше. Рассудительный и спокойный декабрист А. П. Беляев рисует облик генерала так: «Генерал Засс был еще молодой, средних лет человек, высокий и стройный. Он носил серую черкеску с кинжалом у пояса — общий костюм черкесов и казаков; с проницательными голубоватыми глазами, с огромнейшей длины русыми усами, орлиным носом и чрезвычайно живыми движениями — он и наружностью свою поддерживал мольбу о его подвигах. Он приказал нам отправляться в отряд к своему полку, но ни слова не сказал об экспедиции. Он терпеть не мог, чтобы кто-нибудь знал о его преднамеренности движений или выражал свои соображения

об его планах: их никто не знал. Так таинственно он вел свои дела» (цит. по: 8, с. 3)

Н. И. Лорер почти о том же самом пишет, однако, совсем иначе: «С первого моего знакомства с Зассом меня поразила его рыцарская физиономия. Он высок ростом, имеет светло-голубые глаза и огромные висячие усы... В доме его постоянно преобладает какая-то таинственность, и я часто мысленно воображал себя в каком-нибудь ливонском замке, в сообществе таинственного рыцаря XV века. Часто случалось, что при гостях шепчут ему на ухо. Бывает един (доверенное лицо) такой молча войдет в комнату, наклонится к Зассу, отрывисто произнесет какое-нибудь слово и исчезнет на короткое кивание головой таинственного начальника.

В его комнатах постоянно и во всех углах встречаешь людей с загадочными лицами. Может быть, во всем этом и крылось что-то в самом деле важное, а, может быть, Засс нарочно окружал себя тайной, чтобы сохранить к себе поболееуважения и страха — два чувства, сильно действующие на толпу» (цит. по: 8, с. 2). По тональности близко и мнение декабриста М. М. Нарышкина: «...Черкесы и без того боятся Засса. Вообще в Григории Христофоровиче много средневекового. И больше странности в характере, кажется, он ничего не любит» (цит. по: 8, с. 3).

Прежде чем продолжить своеобразный реестр мнений о генерале Зассе, нужно внести существенное пояснение: приведенные свидетельства высокопросвещенных, прогрессивно мыслящих деятелей России середины XIX века в большей части своей не учитывали, вероятно, весьма серьезного психологического нюанса. Российский военачальник с европейской выучкой и кругозором, с большим и суровым опытом войны на Кавказе не мог не ощущать того, что служебная карьера и судьба занесли его в край все еще патриархально-средневекового уровня развития и состояния общественного бытия. Уместно в этом контексте привести слова Ф. А. Щербины: «...На большее черкесы не были способны, не доросли политически, не развились социально, не вышли из пеленок родового быта и связанных с ним воззрений на войну, грабежи и воровство, как на промысел; на убийство, как на законное возмездие, и на рабство, как на нормальный порядок вещей. Горец, окруженный ореолом храброго воина и свободолюбивого героя, далек был от общечеловеческих идеалов. В беззаветной любви к отечеству, в лучшем своем обычье — «куначество» (побрратимстве) —

он был близок к идеалам. Но — и только. Во всех остальных видах деятельности горца к обычному праву примешивалось обычное зло. В защите гостя горец, хотя бы этот гость был нужным ему человеком, иноземцем, жертвовал свою жизнью. Но тот же обычай разрешал ему пустить пулю в спину гостя, раз последний окажется за чертой его владений... Этую меру можно измерять сотни и тысячи случаев во враждебных отношениях черкесов с казаками». (2, с. 37).

А к этому (не лишенному некоторой упрощенности, но и глубокому одновременно) рассуждению историка стоит прибавить по-воински четкие фразы преемника Засса генерал-лейтенанта Гурко из циркулярного предписания 1843 года: «Так как истинные намерения горцев составляют тайну их предводителей, то повсюду предписывается крайняя настороженность и боевая готовность». (1, с. 21)

Может быть, только что изложенное позволит хоть в какой-то мере понять «средневековость» поведения Засса? И тогда легче будет по достоинству оценить содержательную суть воспоминаний офицера Лабинского казачьего полка Г. Атарщикова, много лет «состоявшего при Зассе»: «Генерал Засс имел семь ран, полученных в сражениях и на дуэлях, хромал от раны на одну ногу, но был крепкого телосложения, силен, подвижен; лицо его было выразительное, энергичное; глаза приятные, быстрые, проницательные; длинные русые усы доходившие до груди; характер живой, восприимчивый, вспыльчивый, но добрый, веселый и в высшей степени решительный: сила воли непреклонна и храбрость, не признававшая никаких опасностей. Барон Засс не любил оставаться один, а потому все офицеры, в особенности молодежь, ежедневно у него обедали и проводили остаток дня в веселых, откровенных разговорах. Встречаясь таким образом постоянно со своими подчиненными, барон Засс имел возможность ознакомиться с характером, способностями и умом каждого офицера и безошибочно давал каждому назначение во время экспедиций и набегов. Он знал, кого назначить в цепь, кого послать на рекогносцировку, кого употребить на самую отчаянную атаку и кого оставить в вагенбурге.

Вообще барон Засс был человек очень популярный и большой хлебосол, но не особенный гастроном: обеды у него были всегда простые, однако сытные. Отправляясь в поход, он брал десяток и более верблюдов, навьюченных съестными припасами, потому что в походе у него продовольствовались не только

все штабные офицеры, но всякий, кто только не поленился прийти в его столовую кибитку или к раскинутому под деревом ковру. Между тем, многие, не знаяшие близко Засса, считали его человеком жестоким, чуть не варваром, забывая, что он имел дело с полудикими воинственными племенами, некоторые уважают лишь одну силу, храбрость, крутые меры и некоторые принятые у них самих обычай, немыслимые в европейской войне, как, например, отрубать у убитых неприятелей головы и выставлять на шесты, что делал и барон Засс в первый год прибытия своего на Кубанскую линию, подчиняясь пословице: «С волками жить, по-волчьи выть».

(4, с. 315—316).

Последняя фраза приведенного фрагмента воспоминаний Г. Атарщикова носит неприкрыто полемический характер. Действительно, эти отрубленные «черкесские головы», воздетые на шестах в крепости Прочный Окоп, сильно подмочили репутацию Г. Х. Засса, несмотря на все многочисленные случаи истинно рыцарского отношения к горцам на поле боя и в последующие ближайшие часы. Люди, хорошо относившиеся к генералу, старались не упоминать в своих дневниках и мемуарах этого, порочащего его, факта. Другие наоборот — всячески привлекали к нему внимание, как это сделала в уже приведенной цитате Е. Лачинова, опубликовав под псевдонимом Е. Хамар-Дабанов литературный памфлет «Проделки на Кавказе». Писательница притом отразила суть декабристских взглядов.

Например, Е. П. Нарышкина — жена декабриста и гостеприимнейшая хозяйка их дома в станице Прочноокопской — говорила, по свидетельству Н. И. Лорера: «Как я могу быть довольна Зассом? В крепости Прочный Окоп висят головы. Все-таки мы просвещенные люди, а на частокол поглядишь, кажется, попали к людоедам...» Однажды, как описывает тот же автор, Засс пригласил к себе Нарышкину, и она согласилась с условием, что неприятельские головы будут сняты. Засс исполнил ее желание, и декабристы были у него в гостях. В те часы, зайдя в кабинет генерала, Лорер был неприятно поражен каким-то нестерпимым отвратительным запахом. Засс сказал, легко засмеявшись: «Люди мои, вероятно, поставили под кровать ящик с головами». И верно, два дюжих казака вытащили огромный сундук с несколькими головами, которые кошмарно «смотрели» на присутствующих стеклянными глазами. «Зачем они здесь у вас?» — ахнул Лорер. Засс ответил прямо, с немецким педантизмом: «Я их вынариваю, очищаю и рассылаю по разным академическим кабинетам и друзьям моим, профес-

сорам в Берлине» (8, с. 3). Не правда ли, оторопь берет от этой откровенности и фактов, ею рекламируемых?! Разумеется, не Засс был «изобретателем» скверного обычая отсечения голов у поверженных в бою врагов и последующих манипуляций с ними. Но сколько бесчеловечности и холодного цинизма под маской содействия науке высказывает в приведенных репликах симпатичный многими чертами характера генерал Засс?! И прав все тот же Н. И. Лорер, когда именует «отвратительным зреющим» то, что «на нарочно насыпанном кургане у Прочного Окопа при Зассе постоянно торчали на пиках черкесские головы и бороды их развивались по ветру...» (8, с. 2). Поэтому неуклюжие попытки Г. Атарщикова оправдать «волчий вой» в устах цивилизованного человека вряд ли убедят в полной моральной состоятельности его кумира.

Но нет нужды и нагнетать эмоции, страсти, пытаться присвоить нелюбимому образу больше отрицательных свойств, чем он того заслужил или имеет в реальности!

Свой обличительный этюд Н. И. Лорер завершает моралистически: «Мне показался страшным генерал Засс, и я невольно сравнил его с анапским комендантром Ротом, который придерживается совершенно противной системе и старается привязать к себе горцев ласковым, человеческим обращением и сообразляет их выгодами и барышами торговли» (8, с. 3). Однако всякие назидательные сравнения и противопоставления «хромают». Декабрист, очевидно, не видел «жестокого» генерала устроителем прочноокопских ярмарок, и не знал, как исполнителен и репрессивно мастеровит был понравившийся ему Рот во главе солдат и казаков, действовавших в Закубанье по обычным меркам этой разорительной и истребительной войны (2, с. 392). Не стоит упрощать ситуацию, пытаясь поделить мир и его обитателей на «белых» и «черных...!»

Сергей Бойко — современный толкователь лачиновских «Проделок на Кавказе» — приводит рассуждения Е. Вейденбаума, слепо компрометирующие российского боевого генерала: «Начальствуя кордонною линией, он имел всегда возможность под тем или иным предлогом предпринимать набеги в неприятельские пределы. Ловко составленные реляции доставляли награды участникам этих экспедиций. Поэтому приезжая молодежь с особой охотою просила о прикомандировании к штабу начальника правого фланга. Засс ласкал людей со связями и давал им способы к отличию. За то благодарные «фа-

заны» с восторгом рассказывали во влиятельных петербургских гостиных о чудесных его подвигах» (3, с. 18; 5, с. 313).

Сказано сурово, но далеко не во всем справедливо! Конечно, использование батальных акций для карьеристских целей присуще части офицерства и командования в любой войне. И генерал Засс вряд ли был исключением! Но отнюдь не «в влиятельных петербургских салонах» и вовсе не «благодарными «фазанами» (то есть парадно-пестроодетыми гвардейцами) «со связями» выведены строки воспоминаний целой группы опальных, ссыльных, приговоренных «к Кавказу» декабристов, которые, не сговариваясь друг с другом, делятся своими впечатлениями не только о добром, душевном отношении генерала Засса, о его товарищеском, дружеском участии в их военно-бытовой судьбе, но и отдают должное его расчету и смелости в их продвижении по лестнице наград и званий, которая должна была вывести на свободу вопреки тайным надеждам и прямым предписаниям правящего Санкт-Петербурга. Об этом недавно специально писал новокубанский краевед А. М. Яковенко, и нет надобности вновь доказывать это!

Столп еще добавить, что генерал Засс никогда не робел, чтобы поднять голос в оправдание или смягчение наказания тех перебежчиков с российской стороны к сопротивляющимся горцам, которые, раскаявшись, вернулись в границы Отечества или не чрезмерно запятали себя жестокостями на «той стороне». Бывало, как в случае с Семеном Атарщиковым, он крепко ошибался в своей мягкости, но происходила следующая драма и Григорий Христофорович не отступал от принципов помочь тому, кто попал в беду.

Очень трудно составить себе объективное и сколько-нибудь полное впечатление о такой сложной, неоднозначной личности как генерал Г. Х. Засс. Но если все же попытаться уловить dominantу его мировосприятия и служебного бытия, то следует обратить внимание на такие личностно-психологические обстоятельства.

В самые драматические мгновения стремительных и скоротечных боев с горцами безупречно храбро и дальновидно действующий военачальник провозглашал: «...Отступления со мной нет, не было и не будет. Одна храбрость и быстрота! Вперед на неприятеля!» (1, с. 9). И это, как оказывается, не пустой звук!

Вслушайтесь в голоса современников! М. М. Нарышкин: «Ему только давай походы...»; А. Е. Розен: «Генерал Засс,

страшилище черкесов, оставил по себе продолжительное воспоминание на Кавказе. Экспедиции были для него забавою, потребностью, как травля для охотников, как вода для рыбы. Две недели, проведенные в покое, наводили тоску на него или возрождали болезнь, между тем как неожиданный ночной набег и опасность вылечивали его в минуту...» Остро критично относящийся к Зассу, Н. И. Лорер пишет: «Однажды мы были у генерала, и он был как-то особенно с нами любезен, но вдруг исчез. Прождав его довольно долго, мы осведомились о хозяине и узнали, что он ушел за Кубань, узнав, что горцы в сбое. В разговоре с Зассом я заметил ему, что мне не нравится его система войны, и он мне тогда же ответил: «Россия хочет покорить Кавказ во что бы то ни стало. С народами, нашими неприятелями, чем взять, как не страхом и грозой?» (8, с. 3).

Заметьте, опять все сказано — прямо, без увиливаний и эquivоков, причем в самом ответе звучат не только особенности человеческого характера, но и непререкаемая концепция собственной жертвенности на алтаре державности, государственных интересов империи: «Россия хочет во что бы то ни стало...», и для достижения ее целей — все средства хороши!

«Честный, веселый немец» Григорий Христофорович Засс в решении возложенных на него исторических задач действовал как средневековый рыцарь «без страха и упрека», меньше всего заботясь о том, чем откликнется его дерзкая наступательность, воинственность и отвага, увлеченность реализацией geopolитической идеи в умах и сердцах прямых потомков тех, кого он числил в понятии «неприятель». Его самым большим достижением на Кавказе было создание и освоение Лабинской (Новой) линии (6, с. 317), решительно приблизившей полное «покорение», «усмирение» Северо-Западного Кавказа. Хотя нельзя забывать и такие строгие суждения военных историков: «Все эти громко расписанные набеги Засса имели результатом утомление войск и немалые потери; крайнее озлобление туземцев, особенно потому, что нередко разорялись такие, которые заявляли желание покориться и долго жили совершенно мирно; пользы ... никакой не принесли» (11, с. 45). Конечно, и они отмечены печатью предвзятости, но не учитывать их в общей картине нельзя! И все же...

Вполне правомерно сохранение исторического имени «Зассовская» за одной из станиц Лабинского района. Стоило бы, как представляется, вернуть название улиц, носивших имя военачальника, в городе Армавире и других населенных пунктах;

так как весьма не однозначная, но стойкая память о действиях генерала Г. Х. Засса вполне полагаться на внимание потомков тех, кто иные населяет отвоеванные и осваиваемые под его командованием земли.

В самом зените своей славы, в 1842 году, барон оставил воюющий регион, чтобы, дослужившись до чина генерала — от кавалерии, еще не раз (теперь в других местах) подтвердить свою позицию вдохновенного и преданного охранителя той России, которая и породила его, как ярчайшего представителя способного военно-политического типа (10).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Баскаков А. К., Баскаков М. К., Егоров Н. Д. Линейцы. Очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области // Вольная Кубань. 20 августа 1992 г.
2. Шербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. П. Екатеринодар (Краснодар). 1913 (1992).
3. Хамар-Дабниев (Лачинова) Е. Проделки на Кавказе. Ставропольское книжное издательство. 1986.
4. Атаршиков Г. Заметки старого кавказца о боевой и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Кристофоровича Засса // Военный сборник. 1870. № 8.
5. Вейденбаум Е. Кавказские этюды. Тифlis. 1901.
6. Энциклопедический словарь. Т. ХП. Изд-во В. А. Брокгауза и Н. А. Ефрема. С.-Петербург. 1894.
7. История народов Северного Кавказа (конец XVIII века — 1917 г.). Москва: Наука. 1988.
8. Яковенко А. Генерал Г. Х. Засс // Газ. «Свет маяков», ноябрь — декабрь 1990 г.
9. Трудные годы. Декабристы на Кавказе. Краснодарское книжное издательство. 1985.
10. Генерал от кавалерии фон-Засс. Некролог // Русский инвалид. Декабрь 1883 г.
11. Зиссерман А. Л. История 80-пехотного Кабардинского полка. Т. П. Санкт-Петербург. 1881.

ПОЕЗДКА В АРМАВИР?

Прошло более 30 лет, как декабрист Александр Петрович Беляев (1803—1885) вернулся из кавказской ссылки (служил в действующей армии до 1846 г.). И вот, весной 1779 года он

окончательно завершает работу над книгой мемуаров, в которой, в частности, нарисовал целый ряд правдивых портретов современников и очерков быта кавказской окраины России (1; 2, с. 289—303, с. 326—328).

Немало страниц своих воспоминаний бывший изгнаник посвятил укреплению Прочный Окоп и станице Прочноокопской, о чем может быть отдельный разговор. А сейчас обратимся к фрагменту книги, рассказывающему, как «однажды составилась поездка за Кубань в один из мирных черкесских аулов, по предложению полковника Гана. Аул был искони мирный и жители его были в кунацких, т. е. дружеских, отношениях с русскими».

В прогулке участвовала немалая компания. «Дамы отправились в колясках, а мы все (группа мужчин.— Авт.) в крытой линейке. Переехав вброд реку, мы пошли к аулу, где нас встретили хозяева с большим почетом. Сейчас вынесли перед саклю низенькие черкесские столики и поставили пропасть кушаний, разумеется в азиатском вкусе. Не помню подробностей угощения, но помню, что тут были и знаменитый кавказский шашлык, и какие-то пирожные, очень вкусные, а также сушеные фрукты. Пока мы тут угощались, составился хоровод; девушки, переплетаясь руками, монотонно и плавно качаясь, двигались кругом под звуки музыки, которая была убийственна; инструменты ее состояли из сопелок, барабана, бубна и еще какого-то струнного в виде балалайки. Женщины поглядывали на гостей сквозь плетни, как казалось, с большим любопытством. Пробыв часа два, походивши перед аулом и заходя в чистенькие сакли, мы направились домой, поблагодарив хозяев... Погода была прекрасная, теплая, кажется, то был март или февраль: все пожелали возвратиться домой пешком по берегу живописной реки, для сокращения дороги и прогулки, а потому отпустили экипажи, в которых берегом нельзя было ехать. Лес подходил к самому берегу, представляя огромные промоины, обраги, заваленные упавшими деревьями, так что чем дальше, тем дорога становилась непроходимее...»

Далее описывается тяжелый и тревожный маршрут, пройденный «экскурсантами». «...Все это путешествие наше продолжалось очень долго, и мы вошли в станицу в 11 часов ночи. Дамы были утомлены до изнеможения, так как дорога была ужасная».

Небольшое приключение произошло в начале 1841 года, будучи описано в конце 1870-х годов. Уже одно это исключает

полную точность и достоверность, что осознает сам А. П. Беляев («не помню подробностей...», «...то был март или февраль...»). И все же многие впечатления и детали навсегда врезались в память, не стерлись временем. Отсюда — сочность описания и сохранившийся колорит увиденного.

Жаль, что очень невнятно, скороговоркой описан путь в левобережный мирный аул. Похоже, что он начался в станице и наверняка проходил через какой-то кубанский брод. Но значит ли это, что «черкесский аул» лежал прямо против Прочноокопской? Совсем не обязательно!

Несколько страницами ранее А. П. Беляев живо описал курьезный случай, произошедший с ним, его братом и декабристом Вегелиным в 1840 г. Тогда, «отправляясь в отряд» к реке Лабе, они — верхом и «на возу» — следовали по маршруту Прочноокопская — Форштадт — крепость Прочный Окоп — брод через Кубань. «...Крепость была расположена на высокой горе, и дорога вниз была высечена в скале, имея с одной стороны отвесную стену, а с другой скат, поросший луговой зеленою травой». Здесь и случилось непредвиденное: «...лошадь в возу как-то оступилась, телега попала на край кручи и в этот же момент опрокинулась; лошадь, кучер, воз — все это полетело вниз. Мы были уверены, что и лошадь, и человек были убиты, так как воз по крайней мере пять или шесть раз перевертывался, пока долетел до низу, — и что же?! Оказалось, что воз даже не развязался, так крепко он был увязан, лошадь осталась невредимой, человек тоже, только на несколько минут, как будто, потерял сознание от страшного кружения. Гора эта составляла берег Кубани и была очень высока. Отделавшись так счастливо, мы от всего сердца возблагодарили Бога и, спустившись вниз, переправились за Кубань вброд». (2, с. 292—293).

Заметим, что это была основная военно-стратегическая и торговая дорога от окрестностей Прочного Окопа на левый берег Кубани. Выезжая «на экскурсию» в «колясках и крытой линейке», наши герои вполне могли воспользоваться именно ею, причем, «переехав вброд реку», они оказались рядом с аулом, к которому пошли пешком.

Что же это был за аул?

Более 30 лет назад опытный и пытливый амавирский краевед Б. Л. Выродов в содержательной рукописи, хранящейся в архиве музея, обратился к этому сюжету воспоминаний Беляева и предложил свою версию локализации места посещения

декабристов и офицеров Прочного Окопа: «Мы полагаем, что речь здесь может идти об ауле Каплановском, находившемся недалеко от современного села (ныне города — Авт.) Новокубанского... Аул Капланова был заселен не черкесами, а ногайцами в весьма отдаленные времена, так что в быту они не отличались от черкесов, почему Беляев так ошибочно их называет. Еще в первые годы после революции в ауле находился небольшой дворец красивой архитектуры мавританского типа, принадлежащий одному из потомков князей Каплановых...» (3, с. 121).

В этой гипотезе отражается убежденность ее автора в том, что прочноокопская компания воспользовалась бродами прямо у станицы, а это далеко не бесспорно в свете приведенных выше данных. Во-вторых, если искомый аул действительно лежал напротив станичных бродов и до него было «рукой подать», то невозможно объяснить те долгие, протяженные по расстоянию странствия, которые претерпели путники, приняв решение вернуться к станице пешком, по берегу Кубани. Февральский (или даже мартовский) день короток! Наши «вояжеры» отправились в путь вряд ли раньше полудня (не в традициях это было — выезжать рано!). Аула достигли вскоре и пробыли в нем всего «часа два». Понимая, что темнеет быстро, вряд ли отправились в обратный путь много позднее 4—5 часов пополудни. А вернулись-то в станицу (после трудного пешего перехода) «в 11 часов ночи». Как бы ни сложен был неопробованный маршрут, но такой расчет времени предполагает все же достаточную удаленность аула от станицы Прочноокопской, куда и возвращались экскурсанты.

Есть и еще один (может быть, самый серьезный) довод против версии о Каплановском ауле. Он был аулом **княжеским** (не случайно несколькими десятилетиями позднее в нем и был построен своеобразный дворец). А гости — люди достаточно высокого ранга (знатные, хотя и репрессированные, дворяне, полковник Ган — командир артиллерийской бригады в Прочном Окопе, группа членов их семей женского пола — жены, дочери). По кавказскому этикету (впрочем тут он мало чем отличается от всеобщего!) «хозяин аула» — князь обязан был встречать визитеров и оказывать им гостеприимство в своем доме и дворе. Но ничего подобного не произошло! Гости были радушно приняты аульским обществом, обласканы, вкусно накормлены, развлечены музыкой и танцами прямо на улице. Затем, «походивши перед аулом и заходя в чистенькие сакли».

они... удалились без всякого эскорта и сопровождения, по щедро одарив ленными постравившимся для них аульчан. Таким «кавказским приемом» быть не мог!

И последнее. Ряд ли прав Б. Л. Выродов, посчитав, что ногайцев А. П. Беляев не отлинял от черкесов. Даже сильно видоизменявшиеся, недавние кочевые степняки-монголоиды по разовым признакам имели все же собственное обличье, пронзившееся тем ярко, чем больше характерных лиц этого народа представляло перед наблюдателем (и данном случае — население целого аула). К тому же ногайцев редко именовали черкесами, как сориентальным называнием. Куда чаще их attestовали «татарами», подчеркивая принадлежность к тюркоязычным обитателям Северного Кавказа.

Все вместе, это побуждает усомниться в гипотезе краеведа и предположить иное объяснение.

В начале 1841 года единственным и ближайшим аулом, лежавшим прямо у бровей Прочного Окопа и буквально под зашитой его орудий, был так называемый «Армянский аул», получивший с 1848 года имя Армавир. От него до станицы Прочногоокопской всего 3—4 версты по кубанскому берегу. Эта видимая близость и могла облазнить на пеший переход, когда отправлялись домой.

Между прочим, армянские новосёлы этого места (их аул стал формироваться с 1837 года и сложился в 1839 году) были известны всем (и сами назывались!) как «черкесо-гари». Они несколько веков провели в Закубанье среди адыгейских племен и сильно подверглись влиянию таковых. Для неопытного глаза сходство было безусловным. Однако, сами горские армяне («черкесо-гари»), вырвавшись из-под обезличивающего воздействия адыгов, стали предпринимать различные шаги и меры для скорейшего полного восстановления собственно армянской культуры, прибегая к щедрой и активной помощи своим близким и дальних родичам (4, б, с. 18—25; 6, с. 27—36).

Попытаемся сквозь призму сообщенных сведений рассмотреть фрагмент воспоминаний А. П. Беляева.

Его описание аула довольно общее, но некоторые детали местных культуры и быта весьма выразительны. Это не касается «чистеньких саклей», окружавших их плетней, сквозь которые с «большим любопытством» поглядывали на гостей женщины. Стоит внимательно присмотреться к описанию местной кухни (шиши) и к характеру «развлекательной программы».

Угощали прибывших «прощалью кушанием», из которых Беляев запомнился: «известный кавказский шашлык и ка-кое-то пирожные, очень вкусные, а также сущеные фрукты». Обратившись к специальной этнографической литературе, легко убедиться, что ничего специфически адыгского (черкесского) среди названных блюд нет и напряд ли они были в том застолье — иначе недавно попавший на Кавказ Беляев запомнил бы такие характерные яства, как пшеничная пастица, курчица в сметане (гедлибжа), пышные квадратные оладьи (слакумы), халва из просянной муки и меда и т. д. (7, с. 175—176; 8, с. 43—47). В то же время разнообразные шашлыки, слобные печенья, сладости из сущеных фруктов — типичные и излюбленные блюда армянской национальной кухни (8, с. 196—198; 9, с. 520—523).

Глаза трапезующих услаждал «хоровод: девушки, переплетясь руками, монотонно и плавно качаясь, двигались кругом под звуки музыки...» Здесь «национальные приметы» выражены слабее, ибо и у адыгов «в прежнее время были распространены хороводные танцы: танец со спокойными движениями по кругу — удж, плавный танец — зафак...» (10, с. 37), и у армян эта традиция имеет глубокие корни (9, с. 559—560). Не станем в подемическом азарте противопоставлять эти манеры, тем более, что «черкесо-гари» наверняка переняли адыгскую «моду» в танцах.

Иное дело — состав музыкальных инструментов в «коркестре», аккомпанировавшем хороводу. А. П. Беляев вполне откровенен: музыка, на его вкус, «убийственна». «Инструменты ее состояли из сопелок, барабана, бубна и еще какого-то струнного в виде балалайки». Здесь есть повод для сопоставлений! Рядом с щипковым (типа балалайки) инструментом (ихъэшынэ) и разновидностями флейт, адыгские ансамбли обычно включали скрипку с тремя струнами и смычком из конского волоса, трещотку из связанных чинаровых дощечек и арфу (7, с. 196). А вот как описан этнографами традиционный армянский ансамбль: «Один из самых распространенных духовых инструментов — зурина (деревянная трубка с раструбом). При зурне (а их, как правило, пара) обязательно должен быть барабан, реже бубен, а также тот или иной струнный инструмент» (9, с. 558). Согласитесь — вот вам и «сопелки» и весь остальной набор, источающий пронзительную, шумную, непривычную, одним словом «убийственную» музыку!

Нет, конечно, настаивать тут ни на чем нельзя, так как в ходе дальнейших научных изысканий что-то существенное может уточниться, могут появиться и новые факты. Однако, как представляется, краеведческие и этнографические соображения, приведенные в этом очерке, дают довольно оснований для уверенного предположения: в воспоминаниях декабриста А. П. Беляева отразился достоверный случай посещения им того вновь возникшего у подножья крепости Прочного Окои черкесо-татарского аула, который через несколько лет станет зваться Армавиром. Если это так, то мы имеем дело с первым зафиксированным в литературе описанием не просто мирного, дружественного, но и подвластного российским государственным структурам селения, которое со временем превратилось в город Армавир — один из «малых городов» России, играющих отнюдь не маловажную роль в событиях и процессах Прикубанья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Беляев А. П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном. Спб. 1882.
2. Трудные годы. Декабристы на Кавказе. Краснодарское книжное издательство. 1985.
3. Выродов Б. Л. Века и тысячелетия волнующей истории смотрят на нас с Форштадских высот (краеведческая экскурсия: историческое прошлое наших мест). Армавир. 1960. Научный архив Армавирского краеведческого музея. № 95.
4. Щербина Ф. А. История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар. 1916.
5. Армавир. Краснодарское книжное издательство. 1983.
6. Погосян Л. А. Армянская колония Армавир. Ереван. 1981.
7. Народы Кавказа. Т. 1. Москва. 1960.
8. Арутюнов Сергей, Кобычев Вениамин. В краю гор, садов и виноградников. Москва: Русский язык. 1987.
9. Народы Кавказа. Т. II. Москва. Издательство АН СССР. 1962.
10. Аутлев М., Зевакин Е., Хоретлев А. Адыги. Майкоп: Адыгейское книжное издательство. 1957.

«ОТМЕЧЕН СОВЕРШЕННЫМ БЕСКОРЫСТИЕМ...»

Имя врача Николая Васильевича Майера (1806—1846) тесно связано в истории Северного Кавказа с судьбою и творчеством М. Ю. Лермонтова (он в 1837 г. близкий приятель гениального литератора и общепризнанный прототип доктора Вернера в «Герое нашего времени»), а также с биографиями многих ссылочных декабристов, чьим «другом он был», по сви-

детельству Н. И. Лорера, будучи и сам «прикоснувшись к происшествию 14 декабря 1825 года». Обо всем этом существует большая исследовательская литература (достаточно назвать: 1, с. 473—492; 2, с. 269; 3, с. 253; 4, с. 251, 289). В ней с завидным постоянством повторяется: «Н. В. Майер — врач в Ставрополе и Пятигорске» и ни словом не упоминается о его лечебной практике на Кубани и роли нашего края в жизни этого именинного россиянина.

Однако в качестве, может быть, «краеведческой антитезы» в известной книге «Армавир», изданной в 1983 году, утверждается нечто совсем иное: «Прототипом доктора Вернера в «Княжне Мери» М. Ю. Лермонтов взял врача Прочноокопского госпиталя Н. В. Майера» (5, с. 22).

Что же стоит ближе к истине?

Знакомство с Н. В. Майером может начаться с его автопортрета, нарисованного карандашом (впрочем, некоторые специалисты полагают, что это — рисунок неизвестного художника), и со строк воспоминаний о нем многих лично знавших его в 1830—1840-х гг. людей (2, с. 269; 3, с. 253; 6, с. 191—303). Впечатление о внешности таково: небольшого роста, далеко не крепкого сложения, с непропорционально крупной головой и стрижкой «ежиком», с чертами лица неправильными, к тому же еще и заметно прихрамывающим... Но своим умом, добротой светлых внимательных глаз, ясностью жизненной позиции, преданностью друзьям он очень многих располагал к себе, вызывая симпатию и дружественность.

Бесспорно, что наш герой основное время в 1837—1838 гг. проводил действительно в Ставрополе, где служил статским врачом, «числившимся при командующем войсками на Кавказской линии генерале Вельяминове, а во время курса (то есть сезона курортного лечения) лечивший военных больных на Кавказских Минеральных водах». Но вскоре после смерти Вельяминова в 1838 г. он «перешел на службу к генералу Н. Н. Раевскому-младшему, командовавшему войсками Черноморского побережья», то есть на территорию современного Краснодарского края (7, с. 96—107), где, как считал очень толковый армавирский краевед Б. Л. Выродов, не подкрепляя, однако, свое мнение никакими источниками, Н. В. Майернес уже службу в Прочноокопском госпитале до прикомандирования в Ставрополь (10, с. 82).

Будучи не только умелым практикующим «лекарем», Н. В. Майер — недавний выпускник Медико-хирургической Академии

ми — получает тут права главного кордонного врача, отвечающего, в частности и за санитарно-гигиеническое состояние пограничных основных госпиталей Кубанской линии, которых тогда было три — в казачьей станице Прочноокопской, в городах Екатеринодаре и Тамани-Фанагории. В одном из архивов хранится формуллярный список о службе доктора Майера к 15 апреля 1841 г. Характерно, что в этом документе Н. В. Майер выглядит как сугубо тыловой, подчеркнуто мирный медицинский работник: он не бывал ни в походах, ни в сражениях.. Не награждался боевыми наградами (7, с. 102—103).

Но опасности и душевые волнения были пережиты не раз! Вот лишь один эпизод, описанный Н. И. Лорером осенью 1840 года. Обычная небольшая «оказия», в составе которой были Лорер и Майер, выехала «по казенной надобности из Тамани в Анапу».

«Правый фланг нашего небольшого подвижного отряда упирался в море, левый шел по небольшим песчаным возвышенностям: из-за которых стали показываться горцы, сначала конные, а потом и пешие, и набралось их несколько десятков.

Я шутил над доктором Майером, предрекая ему неизбежный плен, но на всякий случай мы намеревались уже обратить его экипаж в крепость и недешево продать свою свободу...» (8, с. 213).

К счастью, тогда все обошлось, как обходилось не раз во время контрольных поездок Н. В. Майера по правому берегу Кубани, от Фанагории до Прочного Окопа.

Между тем, в российской крепости Прочный Окоп и однажды соседней казачьей станице «странствующий лекарь» бывал часто, врачая раненых и больных в местном госпитале. Эти визиты стали особенно регулярны после 1838 г. (уже после того, как написан был лермонтовский роман с образом доктора Вернера, обидевшим своего прямого прототипа). Они объяснялись не только близкой дружбой Майера с «кружком» декабристов, сосланных на Кавказ в солдаты, образовавшимся вокруг семейно-гостеприимного дома М. М. Нарышкина и его супруги в казачьей станице Прочноокопской.

Николай Васильевич, по многим авторитетным свидетельствам был дружен и с генералом Г. Х. Зассом («веселым, честным немцем»), известным тогда на Кавказе под именем «краброго генерала» (Н. М. Сытин). А резиденция того располагалась в крепости Прочный Окоп, что, к слову сказать, предопределило расселение «черкесо-гаев» на месте нынеш-

него Армавира. Каждый такой приезд в круг друзей и единомышленников сопровождался энергичной врачебной деятельностью в Прочноокопском госпитале, который, судя по сохранившимся планам, располагался в центре укрепления

Притом, служебные и профессиональные обязанности свой маститый лекарь выполнял добросовестно. Был в его кавказской биографии (на самых первых еще шагах) момент, когда у него возникли трудности, раздутые (точнее — придуманные) завистниками и недоброжелателями. И тогда веско высказался генерал Вельяминов, известный своей строгой нелицеприятностью: «Лекарь Майер во все времена нахождения его на службе никогда не был замечен невнимательным к исполнению врачебного долга, и все больные, пользовавшиеся его советами, всегда отзывались о нем как о медике, отлично заботившимся о больном, деятельном и усердном. Сверх того, мне лично известно, что лекарь Майер, исполняя с отличным усердием обязанность медика, отличается при сем совершенным бескорыстием...» (7, с. 101).

Есть и существенное косвенное доказательство плодотворности медицинской деятельности Николая Васильевича на Кубани.

В конце 1837 г. декабрист Н. И. Лорер, попав в фанагорийский госпиталь, столкнулся в нем с полным «беспределом» лазаретного начальства: «Что только можно было украдь и оттянуть от больного, то все кралось и оттягивалось. Видя ежедневно все эти ужасы, я не в силах был более оставаться в стенах госпитальных...» (8, с. 201). Конечно же, он не утаил своих впечатлений от Н. В. Майера. И тот, очевидно, опираясь на свои права, полученные при переходе на службу в Черноморию, навел необходимый порядок. Во всяком случае, спустя короткое время, «госпитали в Прочном Окопе, Екатеринодаре и Фанагории были осмотрены» великим русским хирургом Н. И. Пироговым в ходе инспекционно-практической поездки из Кавказ. Госпитали были найдены в хорошем состоянии (9, с. 59).

После женитьбы в 1843 году Н. В. Майер ушел в отставку, покинул наш край и умер 7 февраля 1846 года в городе Керчи, оставив о себе долгую цепь всевозможных воспоминаний и свидетельств, характеризующих его пребывание, в том числе и на Кубани.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бронштейн Н. И. Доктор Майер. Литературное наследство. Т. 45—46. Москва. 1948.
2. Лермонтовская энциклопедия. Москва. 1981.
3. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. Москва. 1988.
4. Эйдельман Н. Я. Быть может за хребтом Кавказа. Москва: Наука. 1990.
5. Армавир. Краснодарское книжное издательство. 1983.
6. Трудные годы. Декабристы на Кавказе. Краснодар. 1985.
7. Недумов С. И. Лермонтовский Пятигорск. Ставропольское книжное издательство. 1974.
8. По лермонтовским местам. Второе, дополненное издание. Москва. 1989.
9. Пирогов Н. И. Отчет о путешествии по Кавказу. Государственное издательство медицинской литературы. 1952.
10. Выродов Б. Л. века и тысячелетия волнующей истории смотрят на нас с Фортадтски: высот (краеведческая экскурсия: Историческое прошлое наших мест). Армавир. 1960 (хранится в научном архиве Армавирского краеведческого музея, дело № 95).

ПАМФЛЕТ ПОД ПСЕВДОНИМОМ

В 1842 году в популярном российском журнале «Библиотека для чтения» под заголовком «Закубанский харамзаде» был напечатан отрывок из завершаемого романа Е. Хамар-Дабанова «Проделки на Кавказе». В своем примечании редакция высоко оценила публикуемый литературный фрагмент, сообщив, между прочим, что он написан «одной даровитой русской дамой». Этот опыт словесности был замечен и В. Г. Белинским, охарактеризовавшим его в годовом обозрении русской литературы «не лишенным некоторого интереса». Отрывок привлек общественное внимание и когда, спустя два года, в книжных лавках появился сам роман, он бойко стал раскупаться, а авторитетный журнал «Отечественные записки» поместил его доброжелательный разбор.

Казалось бы, что к автору со столь редкой фамилией пришел успех. Но внезапно и круто все переменилось. В специальной литературе об этом рассказывается так: «Роман попал на стол к высшим сановникам империи, включая и самого Николая Первого. По свидетельству современников, император пришел в ужас от этой книги. Автор посвятил большую часть своего труда Кавказской войне, причем показал ее закулисные стороны. В беседе с военным министром, князем Чернышевым, император со злой едкостью и ironией указал ему: «Мы ниче-

го не знаем о Кавказе, а эта дама открывает нам глаза!» (1, с. 6).

Немедленно «по высочайшей воле» последовало запрещение продажи и пропаганды литературного произведения, изъятие и уничтожение наличных книг и номеров журналов; суровые «разборки» и наказание «оплошавших» цензоров, строгое расследование благонадежности и, в конечном счете, установление полицейского надзора за автором книги. Что же конкретно вызвало такую реакцию властей?

Эпиграфом к «Проделкам на Кавказе» поставлена русская пословица: «Не любо — не слушай, а лгать не мешай». Жанр книги правильно всего определить понятием «политический памфlet», по поводу чего анонимный критик из «Отечественных записок» (предполагают, что им мог быть В. Г. Белинский) писал: «не роман, не повесть, даже не один полный рассказ, но очерки быта и состояния страны в настоящее время, и притом очерки с мыслию». Сам же автор, умело защищаясь от нападок и третирований властей предержащих, в пространном послании попечителю Московского учебного округа графу Г. С. Строганову, возглавившему преследование неугодного издания, так объяснял карикатурную тональность некоторых страниц произведения: «Все, что я могу еще добавить, это что я руководилась чувством личной мести, выводя некоторые характеры, списанные с натуры...» (Цит. по: 2, с. 133 — 138). И в том, и в другом случае концепция книги достойна хотя бы беглого представления читателю.

«Проделки на Кавказе» никак не отнесешь к высоко художественным шедеврам. И это не только следствие меры таланта автора. В едко написанной книге решаются иные задачи: отобразить военные действия на Северном Кавказе, увиденные глазами очевидцев и участников, осуждающих жестокую политику царизма, отвергающих высокомерное, даже презрительное отношение к «кавказским дикарям и разбойникам». Вот, к примеру, одно из ключевых рассуждений главного героя книги Александра Пустогородова: «...Оставляя черкесов спокойно владеть собственностью, управляться своими обычаями, поклоняться богу по своей вере — словом, уважая быт и права горских народов, мы берем их под свое покровительство и защиту: такова благородная цель; но она встречает многие препятствия в исполнении. Первое из препятствий — различие веры, нравов и понятий; мы не понимаем этих людей, а они нас не понимают в самых лучших намерениях наших. Второе — при-

всех добрых намерениях, мы здесь должны нередко доверять ближайшее влияние на них таким людям, которые думают только о своем обогащении, грабят их, ссорят, подкупают руку сына против отца, жены против мужа...». И дальше автор устами все того же декабристски настроенного русского офицера позволяет себе вот такую оценку: «Воля ваша, я люблю их дикую честность! Возьмите черкеса, разберите его как человека — что это за семьянин! Как набожен! Он не знает отступничества, несмотря на все тяжкие обряды своей веры. Как он трезв, целомудрен, скромен в своих потребностях и желаниях, как верен в дружбе, как почтителен к духовенству, к старикам, к родителям! О храбости нечего и говорить — она слишком известна! Как слепо он повинуется обрядам старины, заменяющим у них законы! Когда же дело общественное призовет его к ополчению, с какою готовностью покидает он все, забывает вражду, личности, даже месть и кровомщение!

Черкесов укоряют в невежестве; но взгляните на их садоводство, ремесла, особенно в тех местах, где наша образованность еще не накладывала просвещенной руки своей, и вы согласитесь со мною, что они не такие звери, какими привыкли мы их почитать».

Знающему истинные обстоятельства эпохи человеку вряд ли не бросится в глаза чрезмерная полемическая заостренность этих тирад, элементы огульного любования и идеализации. Но еще более бесспорно, что ТАК о воюющих горцах Кавказа в официально-охранительной литературе, в «квасно-патриотических» изданиях писать было не принято, а также и опасно. Е. Хамар-Дабанов позволил себе это! Больше того, в книге приведены примеры того, как по указанию царских генералов, озабоченных не интересами державы, а жаждой новых чинов, наград, пожалований, предпринимались не просто ненужные, а провоцирующие походы в уже замиренные аулы, рапортую в столицу об очередной «грандиозной победе».

Между прочим, действия в книге развертываются в восточных районах Закубанья, между рекой Лабой и цепью российских крепостей и казачьих станиц на Правом фланге Кавказской укрепленной линии. Некоторые местности, уроцища, аулы и селения названы подлинными именами («Мы стояли лагерем на левом берегу Лабы...», «превосходный мост на Кубани в Прочном Окопе...» и т. д.), другие или те же самые, но в конкретном контексте — прозрачно проглядываемыми «псевдонимами» (например, крепость Прочный Окоп саркастически име-

нется у казаков «немецким окопом», подразумевая засилье немцев среди офицерского состава этого участка российской границы, «Шерет-Луков аул» и т. п.). Характерен авторский прием: меняя фамилию реального исторического лица, но как можно более точно воспроизводя его внешность и обычные ухватки (впрочем, карикатурно утрируя их), Е. Хамар-Дабанов выводит целую цепь отрицательных героев своего повествования, среди которых читатели-современники легко угадывали таких популярных на Кубани и противоречивых в своих поступках деятелей, как генерал Г. Х. Засс, начальник штаба отдельного Кавказского корпуса генерал П. Е. Коцебу, военного инженера Компанейского, содержателя единственной в Ставрополе гостиницы грека Найтаки и других. Никаких симпатий не вызывают эти литературные портреты! Одновременно они разоблачают многие, ходившие в ту пору и искусство подогреваемые мифы о роли и значении отдельных личностей (сравните: 3, с. 313; 4, с. 315 — 316; 5, с. 8 — 13).

Рядом с ними живут и действуют герои положительные, среди которых первые — прогрессивный русский офицер Александр Пустогородов и «храбрый и честный кабардинец Пшемах», верой и правдой служащий России, потому что русские для него «более, чем родные» и «не делают различия между ним и собой». И здесь многие исторически узнаваемые лица даны под псевдонимами. Но тут же и изрядный список персонажей собственно кубанских, имена которых (в целях наивысшего достижения эффекта достоверности своего рассказа) автор вообще не изменяет: влиятельный темиргоевский князь Джамбот Айтеков, закубанский абрек Али Карсиз, беглый линеец Барышников.

Той же цели создания атмосферы историко-культурной правдивости служит поистине богатый этнографический материал, собранный и удивительно компетентно толкуемый в книге «Проделки на Кавказе».

Одним словом, само содержание и образное наполнение книги не оставляли сомнений, что автор глубоко и всесторонне знал северокавказскую действительность времен обострения военных действий на Средней Кубани (5, с. 8 — 24; 6, с. 161 — 183), критически осмыслил ее, развернул ее ранее неведомой обличающей стороной, заставил читающую российскую общественность задуматься о том зле, что таила она в себе. Военный министр тогдашней Российской империи князь Чернышев не шутил, когда с раздражением и горечью произнес: «Книга

эта тем вреднее, что в ней что строка, то правда!». Пусть эта правда подана гротескно, по законам жанра памфлета, тем не менее она остается таковой!

Вот почему, несмотря на все запреты и преследования, книга Е. Хамар-Дабанова «Проделки на Кавказе» продолжала жить, переходить из рук в руки, будоражить общественность. В 1846 году она под названием «Москвичи и черкесы» была издана в Германии, в Лейпциге, в переводе на немецкий язык. И совсем недавно, в 1986 году Ставропольское книжное издательство полностью и с прекрасным предисловием С. П. Бойко опубликовало «Проделки на Кавказе», подарив современному читателю встречу с почти забытым, «репрессированным» романом Е. Хамар-Дабанова (7).

Впрочем, тут и пришла пора объяснить, почему и кто скрывается под этим звучным и диковинным псевдонимом.

Вполне мужское имя таило за собой писательницу-женщину. «Даровитая русская леди», как аттестовал своего автора журнал «Библиотека для чтения», это — Екатерина Петровна Лачинова (1813 — 1896). Дочь богача, царского камергера Шалашикова, она получила блестящее образование. Рано вышла замуж за генерала Н. Е. Лачинова, который в 1836 году был переведен на службу в Кавказский отдельный корпус. Вместе с мужем прибыла на Кавказ и Екатерина Петровна, пробыв там несколько лет.

Кавказские впечатления Екатерины Петровны были в существенной мере подготовлены долгими рассказами брата ее мужа Евдокима Емельяновича Лачинова — человека богатой и драматической судьбы. Блестящий молодой офицер «за участие в декабристских смутах 1825 года» был разжалован в рядовые и назначен на службу в войска Кавказского корпуса. Он геройски проявил себя в войнах персидской, турецкой и в экспедициях против восставших кавказских горцев с 1826 по 1833 год, после чего был уволен в отставку в чине прaporщика. Много лет спустя, в 1877 — 1878 годах «Кавказский сборник» поместил в Тифлисе его не лишенную литературных способностей «Исповедь», в которой нет и намека на декабристское прошлое, но обстоятельно описывается участие в «делах» на Кавказе (8). Видный дореволюционный исследователь-кавказовед Е. Вейденбаум считал, что Екатерина Лачинова задумала и написала свою книгу именно о нем (3, с. 319 — 320).

Правда, уже в недавнее время высказана гипотеза о том, что прототипом главного героя романа Александра Пустогор-

дова стал якобы Александр Бестужев-Марлинский (2, с. 133 — 138; 6, с. 239), который был тесно знаком с Екатериной Петровной, начиная с зимы 1837 года, и даже находился с ней в интимной связи (в одном из писем к брату Павлу он писал: ...«Очень красива, кокетлива и писательница... Она без ума от любви ко мне... Я очень доволен своей победой, эта женщина восхитительна наедине. Я провожу у нее три часа ежедневно» (2, с. 135). Однако версия эта не выглядит достаточно мотивированной, хотя и заманчива!

Следует подчеркнуть, что сама Е. Лачинова самыми разными способами афишировала (или по крайней мере откровенно намекала на свое близкое знакомство с А. Бестужевым-Марлинским и М. Лермонтовым. Она ввела в круг героев книги развязного и наглого офицера Грушницкого — лермонтовский персонаж из «Героя нашего времени». А в своем «защитительном письме шефу жандармов, графу А. Ф. Орлову писала так: «Граф Строганов, которого я упросила удостоить меня разговором, высказал подозрение, что я была руководима в этом сочинении кем-то, враждебным правительству. Я Вас уверяю, любезный граф, что никто не участвовал в моем труде, и если я частично использовала ежедневные беседы, которые имела со многими нашими кавказскими офицерами, или даже черкесами, и несколько заметок об экспедициях, данных мне двумя офицерами, один из коих погиб позднее на дуэли, а другой как храбрец — на поле боя, то все-таки никто из них не участвовал в моем труде...» (2, с. 137). Как видим, кивок в сторону двух замечательных опальных литераторов достаточно выразителен, но ведь и прямо ничего не сказано.

Вообще Екатерина Лачинова проявила себя мастером литературной интриги. Взять хотя бы выбранный ею себе псевдоним — Е. Хамар-Дабанов. Почему? Оказывается, что суровый, подоблачный хребет Хамар-Дабан стоял в Прибайкалье на пути декабристов, следивших по этапу в сибирскую ссылку. Об этом мог рассказать Екатерине Петровне один из страдальцев — А. Бестужев-Марлинский (9, с. 11 — 18). И она использовала звучное, но мало кому известное имя, чтобы еще раз подчеркнуть для посвященных свое сочувствие идеям декабризма, свою духовную близость некоторым ярким его представителям.

Так почти забытый автор и его книга позволяют нам заглянуть в давнее прошлое нашего региона, еще раз задуматься

над судьбой народов и людей Средней Кубани в переломное время включения его в состав Российской государства.

И еще одно — последнее. Не так давно замечательный (ныне покойный) этнограф Л. И. Лавров посвятил литературному творчеству и лично судьбе Е. П. Лачиновой небольшой, очень интересный этюд, который полезно прочесть всякому, кто интересуется историей русско-кавказских культурных связей. В нем, в частности, высказана хорошо аргументированная мысль о том, что зоркому и ядовитому перу писательницы принадлежит и рукопись утерянной ныне повести «Два имама», представленная в Московский цензурный комитет в 1850 году и запрещенная к изданию, так как автор «представляет все действия нашего правительства на Кавказе с самой невыгодной стороны» (10, с. 175 — 181). Следовательно, и после того, как у «красавицы Екатерины Петровны» не сложилась семейная жизнь с Н. Е. Лачиновым и после того, как она уже покинула Кавказ, литературные упражнения писательницы не прекращались. Сохранилось свидетельство современника, что у «Лачиновой много рукописей». Видимо, во всех них свободомыслие и отрицательное отношение к политике царизма на Кавказе не прикрывалось флером верноподданничества. И авторская позиция нерядного литератора России середины XIX века сложилась и окрепла в наших местах, что уже и само по себе достойно всяческого интереса (II).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бойко Сергей. «В этой книге что строка, то правда» // Е. Хамар-Дабанов. Проделки на Кавказе. Ставропольское книжное издательство. 1986.
2. Титов А. Александр Бестужев — герой забытого романа // Русская литература. 1959. № 3.
3. Вейденбаум Е. Кавказские этюды. Тифлис. 1901.
4. Атарщиков Г. Заметки старого кавказца о боевой и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса // Военный сборник. 1970. № 8.
5. Басханов А. К., Басханов М. К., Егоров Н. Д. Линейцы. Очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области // Большая Кубань. Август. 1992 г.
6. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. Москва. 1988.
7. Хамар-Дабанов Е. Проделки на Кавказе. Ставропольское книжное издательство. 1986.
8. См.: Кавказский сборник, Тт. 1, 2. Тифлис. 1876, 1877.
9. Гусев В. Судьба Александра Бестужева // В кн.: Бестужев-Марлинский А. А. Повести и рассказы. Москва. 1976.

10. Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Ленинград: Наука. 1978.
11. Веленгурин Н. Малоизвестный роман о декабристе // Газ. «Советская Кубань». 1975. № 271.

ИЗЛОМАННАЯ СУДЬБА

Более тридцати лет назад известный этнограф-кавказовед М. О. Косвен опубликовал архивное «Дело сотника Атарщикова», приоткрывшее завесу романтической тайны над биографией наурского казака Семена Семеновича Атарщикова (1807 — 1845), жизнь и смерть которого оказались неразрывно связаны со Средней Кубанью.

Он прославился в северокавказской истории не только своими способностями боевого офицера, авторитетного переводчика («по-арабски, чеченски и кумыкски знает»), специалиста «по сношениям с чеченцами» (свидетельство декабриста Евдокима Лачинова в 1832 г.), но и двумя побегами в горы (1841, 1842 — 1845 гг.) (1, с. 48). Суть последних (в изложении А. К. Басханова, М. К. Басханова, Н. Д. Егорова) такова.

В октябре 1841 года начальник Баталпашинского участка командр Хоперского казачьего полка майор Ительстром доносил генерал-лейтенанту Зассу: за Кубань бежал сотник Лабинского полка Атарщикков. Он увел с собой к горцам двух казаков Хоперского полка — Василия Фенева и Ефима Петренко. 27 октября Атарщикков с партией горцев из сорока человек пробрался на Кисловодскую линию, напав около поста Открытого на двух казаков. Одного из них захватили в плен, другого убили. Затем партия поспешила обратно к Кубани.

Казаки ее преследовали. Скакали быстро. Пленный казак стеснял горцев, и они покончили с ним ударом кинжала. Атарщикков ни словом, ни делом не заступился за соотечественника. За Кубанью партия разделилась на небольшие группы и благополучно проскользнула в верховья Урупа.

Атарщикков с Феневым и Петренко скрылись в ауле князя Айтека Конокова (с его именем связано название современного села Коноково Успенского района). Отсюда Петренко, устыдившись своего поступка, вернулся назад. Через два месяца и Атарщикков вместе с Феневым явились на Линию и добровольно сдались властям. Считаясь с ходатайством Г. Х. Засса, при штабе которого служил Григорий — брат-близнец Семена (они были «удивительно похожи друг на друга», по словам декабриста А. П. Беляева), обоих беглецов Высочайше повел

лено было отправить ненадолго служить в Финляндию. Потом им выдали подъемное пособие для возвращения, оставили на свободе — «для приведения в порядок хозяйственных дел». Однако гуманность такого решения не достигла цели.

В сентябре 1842 года Атарщиков вторично бежал к горцам. Он вновь увлек за собой Фенева, который вскоре вернулся в укрепление Зассовское — тяжким показалось странствовать в чужбине. Атарщиков же принял магометанство и женился на дочери ногайского узедя Мисоста Энарукова. В апреле 1844 года он поселился вместе с нею в собственной сакле на реке Курджипс. Здесь он купил у своего тестя беглого казака Хоперского полка Фому Головкина. Ему он не доверял, но использовал в качестве денщика. С Курджипса Атарщиков частенько производил набеги на Линию.

8 августа 1845 года Атарщиков вместе с Головкиным отправился на разбой к Ставрополю. Он был уверен в успехе набега и не подозревал о близкой кончине. Не доехав 10 верст до Прочного Окопа, путники остановились в лесу на Урупе, чтобы отдохнуть и дождаться ночи. Когда Атарщиков прилег на бурку и задремал, Головкин выстрелил из ружья, смертельно ранил его в спину, а затем явился в укрепление Ново-Георгиевское, что лежало несколько выше по левому берегу Урупа, и поведал там о случившемся.

Команда, посланная за Атарщиковым, застала его еще живым. Полулежа на левом боку, он взвел зубами курок и приготовился к обороне. Но казаки сурово предупредили его, что в случае сопротивления застрелят, «как зверя». Тогда, «вняв словесным убеждениям, он бросил оружие и сдался», после чего был перевязан и доставлен в укрепление. Головкин был прощен и возвращен на родину. Атарщиков же в тот же день умер — не выдержал перевозки на подводе в Прочный Окоп (2, с. 27).

Задаваясь вопросом «Каковы причины или мотивы побега Атарщикова?», М. О. Косвен считал, что «разгадка, раскрытие и истолкование тайны душевных движений и поступков казачьего сотника» под силу только лишь «таким великим исследователям человека, какими были Пушкин, Лермонтов или Лев Толстой» с их «глубоко вдохновенной художественной интуицией». И, не сколько не претендую на исчерпывающий ответ по поводу дела Атарщикова, как «примечательного эпизода из истории русско-горских отношений далекого прошлого», М. О. Косвен предложил свое объяснение в русле решающей роли

таких подтвержденных биографией героя факторов, как «воспитание его в горском (кумысском, на границе Чечни, — авт.) ауле, приобретенных навыках горского вольного быта, позднейшего общения и дружбы с горцами...» (3, с. 117). Пусть будет так, но, вероятно, вряд ли это — весь ответ.

Можно попытаться расширить мотивы такового, причем за счет связи с ситуацией в Прикубанье.

Следует привлечь внимание к такому малоизвестному факту: сотник Атарщиков летом 1838 года принял участие (вместе с унгер-офицером Поздышевым, карачаевцем Духовым и чеченцем Мазаэм Башаевым, или Батаевым) в первой российской экспедиции, маршрут которой от «укрепления Нальчик» через верховья левых Кубанских притоков (Зеленчук и Уруп) привел их в «Большую (Вольную) Сванетию». Подробное и весьма дельное этнографическое описание этого экзотического, загадочного края, известного царской администрации только понаслышке, составил Поздышев — разжалованный за недостойное поведение офицер — давний, похоже, знакомец Атарщикова, действовавший в полном согласии с ним. При этом, труднодоступный район горной Грузии был объявлен местом обитания и привольной жизни «некрасовцев», хорошо известной в XVIII веке группы донских казаков-староверов. Непокоренные участники булавинского восстания со стойкими мятежно-антицаристскими убеждениями и драматической судьбой по логике твердого нежелания подчиняться власти самодержавно-церковного диктата — они в преобладающей массе своей оказались эмигрантами из России (сперва на Кубани, а затем прямо в границах Османской Порты и ее владений). Оставшаяся же к 1830-м годам часть некрасовцев в Закубанье ассимилировалась среди адыгов (4, с. 22 — 23; 5, с. 393; 6, с. 467).

М. О. Косвен деликатно и вскользь заметил, что некрасовцы «неоднократно использовались крымцами и кавказско-горскими феодалами». Эта лукавая скороговорка, разумеется, не передает всей специфики содержания боевого взаимодействия мятежных донских казаков и агрессивно настроенных антироссийских внешних сил. Хорошо известны многочисленные факты прочного союзничества некрасовцев с крымцами и турками — вековыми врагами русских державности и народа (6). Вот лишь самый беглый список таких деяний за несколько лет: «В 1711 году Некрасов предпринимает поход в Пензенскую и Саратовскую губернии, громит усадьбы помещиков, нагоняет

страх из воевод и бояр. Он базировался тогда на казачьи го-
родки в районе устья реки Лабы. В 1713 году некрасовцы со-
вершили набег на Харьковскую губернию и сожгли много поме-
щичьих деревень. Через два года Некрасов послал на Дон 40
лазутчиков, чтобы поднять там восстание. В 1717 году он с
большим конным отрядом пришел на Волгу, Хопер и учинил
расправу с «домовитыми» казаками. Часто по заданию Некра-
сова его люди ходили на Дон и Русь и уводили на Кубань кре-
стьян в бедных казаков» (4, с. 22 — 23).

От всех этих и подобных набегов и походов, предпринима-
емых совместно с засланными врагами молодой России, страда-
ли, разумеется, отнюдь не только «помещичьи усадьбы» и «до-
мовитые казаки». Некрасовцы каждодневно были готовы и со-
вершали насилие над личностями, обрекая многие тысячи рус-
ских людей на жестокие испытания; вовлекая их (причем на-
сильственно!) в политику, чуждую их коренным интересам. Если
выходить из «прокрустова ложа» классовых штампов и кли-
ше, столь присущих отечественной истории советского периода,
то все это можно прямо назвать изменой своему народу и Ро-
дине, пусть даже диктуемой трагическим стечением обстоя-
тельств (7, с. 9). И традиции этой измены, мстительного ожес-
тования передавались из поколения в поколение!

Одновременно неистовое свободолюбие некрасовцев, их не-
преклонный антицаристский настрой порождали многообразные
мифы и легенды, весьма популярные не только в Прику-
банье, но и далеко за его пределами. Кто возьмется, например,
пересчитать все «Некрасовские городища и городки», разбро-
санные от устья Лабы до низовий Терека и берегов Каспийс-
кого моря, воспринимаемые в народе как место пребывания
лонских выходцев за границы России?! И Семен Атарщиков
еще в летские годы слышал рассказы о них, мог наблюдать
руины старинных укреплений у станицы Шелковской, города
Кизляра, приписываемые молвой к местопребыванию некра-
совцев. Известный дореволюционный исследователь терского
казачества, кубанец В. А. Потто собрал достоверные факты
активного воздействия «смутьянов»-некрасовцев на некоторые
слои грековских казаков в XVIII веке (8, с. 172 — 173). Па-
мять об их гордом и неуступчивом противостоянии царским
властям передавалась на Тереке от отца к сыну в тех свободо-
любивых семьях казачества, которые не могли и не хотели ми-
риться с настойчивым и все более жестким «взнудливанием»
российской казачьей вольницы из Санкт-Петербурга. Возмож-

но, что Семен Атарщиков с малолетства находился под обая-
нием этих еще очень живых преданий, жадно впитывал и вос-
питывался на них.

А в 1832 — 1838 годах, когда он служил на правом фланге
Кавказской линии (в том числе и в должности пристава кара-
чаевского народа), информация «извне» пополнилась личны-
ми встречами и впечатлениями. Достаточно напомнить, напри-
мер, что в «Сведениях о горских народах» 1830 года, принад-
лежащих, очевидно, перу русского офицера, говорится, что
«между натухайцами (адыгейцы в районе Анапы, — авт.)

скрываются жившие перед сим на Тамане некрасовские каза-
ки». Или несколько более позднее мнение Е. Вейденбаума,

что убыхи образовались от различных-де пришлых элементов,

в том числе и казаков-некрасовцев. Схожие представления от-
разил И. А. Бартоломей, утверждавший в середине XIX века,

что на Кавказе бытует слух о проживании в Вольной Сванетии

«потомков запорожцев, бежавших туда неизвестно в ка-
кое время» (см. подборку сведений: I, с. 50).

Разжалованный в унтер-офицеры Поздышев и сотник Ата-
рщиков — первые русские посетители Вольной Сванетии —
«подлили масла» в огонь этих будоражащих слухов и вряд ли
сделали это случайно. Скорее, руководствуясь какими-то тай-
ными и неясными причинами, бродящими внутри них духом
мятежничества и психической нестабильности, личной неудов-
летворенности, они преднамеренно попытались, если не сами
создать, то хотя бы поддержать миф о наличии в труднодосту-
пном высокогорье, в прочном естественном тылу бесконечных
набегов горцев на Правый (Кубанский) фланг Кавказской линии
и вне всяких возможностей посягательств военных царс-
ких властей, колонии воинственных и по-своему глубоко на-
божных некрасовцев.

Замысел этой мистификации поначалу удался: его воприня-
ли и «передали» по «инстанциям» генералы П. Х. Граббе и Е.
А. Головин. И только 9 августа 1839 года тифлисский штаб,
реагируя на обостренный интерес в Петербурге и раздражен-
ный растущим валом обывательских пересудов, уверил воен-
ного министра графа А. И. Чернышева, что в описаниях Позд-
ышева «Вольные сванеты ошибочно названы некрасовцами».

Однако официальное опровержение странной для образован-
ных и знающих Кавказ версии очевидцев едва ли смогло в до-
лжной мере остановить уже разошедшиеся слухи и питаемые

ими домыслы. Возьмемся предположить, что и скорый побег самого С. С. Атарщикова в горы (по маршруту недавно проложенной экспедиции) послужил новой пищей для легенды о наследии «истинными казачьими лыцарями» — некрасовцами — обетованном уголке близ верховий Кубани, где воля — извечная мечта мятежных умов — ждет каждого, кто преодолеет в себе холопскую зависимость от властей.

Казачий сотник Семен Атарщикков, руководствуясь неведомыми нам конкретными мотивами и амбициями, сумел изжить в себе этот комплекс. Но, бросив вольнолюбивый вызов взрачному его, тогда уже верноподданническому казачьему миру Терека и Кубани, он запятыл себя изменой Отечеству, жестокостью и преступным пренебрежением к российским интересам и конкретным людям. Изломанная, трагическая судьба!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В. Б. К истории одной мистификации (Сотник Атарщикков и мнимые некрасовцы) // Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом (формы, характер, исторические последствия). Грозный. 1990.
2. Басханов А. К., Басханов М. К., Егоров Н. Д. Линейцы. Очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Вольная Кубань. 12 сентября 1992 года.
3. Гриценко И. П. Истоки дружбы. Грозный. 1975.
4. Анфимов Н. В., Жерновлев И. В., Кусый В. А., Юркин Н. Ф. Наши края на уроках истории. Второе дополненное издание. Краснодар. 1972.
5. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. Москва. 1988.
6. Щербина Н. Ф. История Кубанского казачьего войска, т. 1. Екатеринодар (Краснодар). 1910 (1992).
7. Виноградов В. Б. Критический обзор дореволюционных разделов краеведческих пособий для учителей и школьников Краснодарского края. Армавир. 1992.
8. Потто В. А. Два века Терского Казачества (1577 — 1801); т. 1. Владикавказ. 1912. (Ставрополь: Кавказская библиотека. 1991).

Н. И. ПИРОГОВ НА КУБАНСКИХ БЕРЕГАХ

145 лет назад, в 1847 г. в Прикубанье побывал и работал великий русский хирург и ученый Николай Иванович Пирогов

(1810 — 1881). Эпизод этот связан с длительной поездкой на Кавказ корифея отечественной медицины, содержание которой обстоятельно и глубоко исследовано применительно к другим регионам Северного Кавказа, например Дагестана (1; 2) и Чечено-Ингушетии (3; 4). Что же касается Кубани, то важный факт русско-кавказского научного сотрудничества остается малоизвестным и неизученным. Достаточно сказать, что в специальной главе «Медицина и народное здравие» фундаментального краеведческого труда Ф. А. Щербины имя Н. И. Пирогова в связи с местными обстоятельствами отсутствует (19, с. 730 — 743). Примечательно, что и в серии современных историко-краеведческих пособий, адресованных учителям и школьникам Краснодарского края (5; 6; 7), равно как и в фундаментальном коллективном труде «История народов Северного Кавказа» (8) он даже не упоминается. А в книге «Армавир» (9), справедливо претендующей на краеведческую всеохватность истории города и его ближайшие округи, утверждается: «Н. И. Пирогов в марте 1847 г. делал первые операции под наркозом в Прочкоокопском госпитале». Эта версия повторена и в надписи на памятнике, установленном у Прочкоокопского санатория.

Поскольку поездка Н. И. Пирогова на Кавказ и его врачебная деятельность здесь вписали яркую страницу в историю нашего Отечества, следует уделить этому вопросу специальное внимание и представить его на суд читателей, интересующихся прошлым Краснодарского края.

Начнем с того, что датировка посещения выдающимся хирургом станицы Прочкоокопской (а следовательно и Прикубанья вообще) «мартом 1847 г.» попросту ошибочна. В своем объемном и скрупулезно точном труде «Отчет о путешествии по Кавказу», содержащий полную статистику ампутаций, статистику операций, произведенных на поле сражения и в различных госпиталях России с помощью анестезирования, опыты и наблюдения над огнестрельными ранами и проч., написанном по свежим впечатлениям и изданном уже в 1849 г. Н. И. Пирогов писал: «1847 года 8 июля я отправился по высочайшему повелению на Кавказ, чтобы испытать эфирование при производстве операций на поле сражения» (10, с. 45). Следовательно, ранней весной хирург еще был очень далек от поездки на Кавказ.

Во-вторых, история операций под наркозом («эфированием») в России началась с середины февраля 1847 г. в Санкт-

Петербург. К лету их количество исчислялось уже многими десятками, охватив госпитали и больницы в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Дерпте и других городах, причем сделали их несколько групп врачей, а не только «бригада» Пирогова (11, с. 16 — 17). Генеральная цель поездки Н. И. Пирогова на Кавказ состояла в другом: «В этот год, как известно, была осада Гиргибия и Салтов в Дагестане. Осада Салтов, замечательная в стратегическом отношении, сделалась для нас еще замечательнее тем, что здесь в первый раз было употреблено нами эфирование на поле сражения» (выделено авт.), т. е. прямо в ходе военных действий, что никем не предпринималось прежде (10, с. 72).

После этих фактических уточнений постараемся проследить, что же реально связывает биографию и врачебную деятельность Н. И. Пирогова с Прикубаньем и его госпиталями.

Кавказская общественность тех лет пристально следила и интересовалась передвижениями и делами прославленного доктора. Газета «Кавказ», выходившая в свет в Тифлисе (Тбилиси), на протяжении нескольких месяцев регулярно публиковала соответствующие материалы (12). Опираясь на них, а также на упомянутый выше «Отчет...» Н. И. Пирогова, историк медицины А. М. Геселевич разработал «Летопись жизни Н. И. Пирогова», иллюстрирующую его едва ли не каждодневное времяпроживание. В соответствующем месте труда читаем: «1 — 10 ноября. Николай Иванович выезжает из Ставрополя через Прочный Окоп (казачья станица на берегу р. Кубань), Екатеринодар, Фанагорию (Тамань), Керчь и Одессу в Петербург». Как видим, упоминаются три кубанских населенных пункта, но проведение в них операций не отмечено (13, с. 37).

Обратимся к собственно пироговским записям в «Отчете...». Обстоятельно описывая свои странствия, комментируя наиболее примечательное в них, хирург не раз мысленно обращается к Кубанскому краю. Вот меткое наблюдение: «...раны пулями из азиатских винтовок, шашками и сверх этого еще лезгинскими кинжалами встречаются в Дагестане так же часто, как и из войне в Чечне и за Кубанью» (10, с. 62). Характеризуя (причем очень объективно и всесторонне!) кавказских военных врачей, Н. И. Пирогов, в частности, пишет: «Врачи в действующих отрядах всегда готовы под неприятельскими выстрелами подавать пособие раненым, и не было ни одного случая, когда бы врача на Кавказе обличили в неготовности

идти навстречу опасности: напротив, много раз уже случалось, что они были ранены, убиты; был даже случай, когда один врач должен был принять команду над ротой и взял завал; были случаи, что один врач должен был перевязать при ночном нападении до 200 раненых, организуя из них же оборону лазарета...» (10, с. 60).

В числе прикубанских примеров, питающих подобные оценки великого хирурга, может быть приведен один, 1844 года. Тогда в обороне укрепления Зассовского, форштадта и станицы при нем деятельно участвовал врач военного госпиталя Смородский. В самую критическую минуту боя он вошел в палаты и обратился к раненым с призывом: «Братцы! Наши мало, а татары гибель... Кто может — за мной!». Все, кто только мог двигаться, только что перенес врачебное вмешательство и перевязки, разобрали ружья и потянулись за вражеским, которого любили. Расположив свою «команду» на одной из сторон, храбрый Смородский до конца боя мужественно защищался со своими ранеными от неприятеля; за что и был награжден орденом «Святого Станислава 3-й степени с медалями». Рассказы об этом легендарном случае облетели весь Кавказ! (см. 14, с. 370 — 371).

Свои собственные впечатления о приезде на Кубань Н. И. Пирогов изложил в следующих строках: «Из Ставрополя мы отправились через Прочный Окоп (казачья станица на берегу Кубани) в Екатеринодар. Ночью нас занимало прекрасное зрелище пожара степи. Осенью туземцы зажигают сухой ковыль на степях. Пламя, разносимое ветром на необозримое пространство, представляет бурное море, и колыхание его огненных волн освещает мерцающим заревом горизонт степи. Дорога из Екатеринодара в Тамань идет по знаменитым черноморским плавням, — огромным болотам, поросшим непроходимыми лесами высокого камыша. Мы осмотрели по дороге госпитали в Прочном Окопе, Екатеринодаре и Фанагории. Последний был для нас потому особенно примечателен, что в него свозятся теперь больные и раненые из крепостей, расположенных на берегу Черного моря.

Тамань, или Фанагория расположена на возвышенном берегу моря; там еще теперь можно видеть остатки турецкой крепости, фонтанов и водопроводов, которыми она была снабжена и направление которых, к сожалению, не отыскано. Климат в Фанагории здоров, и это может быть один пункт на берегу Черного моря, в котором нет перемежающихся лихорадок.

Врачи уверяли меня, что даже у больных, отправленных из восточно-береговых крепостей с упорною перемежающейся лихорадкой, она исчезает, как скоро они прибывают в Фанагорию.

Нельзя себе довольно вообразить, с каким наслаждением покидаешь, наконец, сторону кубанских болот, когда, поднимаясь постепенно, начинаешь дышать чистым, морским воздухом и после утомительного жужжания комаров начинаешь слышать гармонический плеск волн Черного моря, а вместо камышей и грязи видишь перед собой целый ряд курганов, в недрах своих содержащих классическую древность.

Из Фанагории мы переехали на пароходе в Керчь и отсюда пустились через Крым и Тавриду в Одессу» (10, с. 59).

Этот отрывок выдает человека наблюдательного, разносторонне культурного, не лишенного известных литературных способностей. Однако в приведенных строках деловая суть поездки едва проглядывает. Впрочем, интересно уже то, что маршрут поездки Н. И. Пирогова проходил, фактически, по тыловым госпиталям, тогда как аналогичные учреждения медицины на территории воюющего Закубанья остались в стороне (например, госпитали, развернутые в начале 1840-х гг. в укреплениях и станицах Махошевской, Зассовской и др.); (15, с. 16, 22). Веридимо, опыты с «эфированием» раненых «на поле сражения», успешно проведенные ранее, не требовали своего продолжения. В отличие от других видов хирургической и врачебно-испекционной практики.

В качестве весьма пространного приложения к «Отчету...» Н. И. Пирогов поместил «Таблицу операций, произведенных нами и другими хирургами в России с помощью анестезирования» (10, с. 226 — 353). Она содержит подробные сведения о 624 врачебных случаях. И вот именно в ней описаны пять операций с применением эфирования, проведенных в кубанских госпиталях.

Две из них сделаны в «Екатеринодарском военном госпитале». Безымянный «солдат» оказался жертвой военных действий, а черноморский казак Федор Дубинский — тяжелых «следствий флегмонозной рожи». У первого при «полном и быстром анестезировании» были «расширены клоаки и извлечены синвестры» (т. е. гнойные проходы и вынуты осколки). У второго, в условиях длительного «совершенного бесчувствия, достигнутого получасовым анестезированием, круговым сечением отнято предплечье» (10, с. 214 — 215, 290 — 291).

Странно заметить, что Екатеринодарский военный госпиталь соседствовал с войсковым казачьим госпиталем в стенах одной крепости. Из инспекторского журнала за 1839 год видно, что последний был рассчитан на 150 больных и располагался в пяти каменных флигелях и состоял из десяти палат. «Госпиталь содержался в порядке, чистоте и опрятности». Видно, этот «стиль» медицинских учреждений в Екатеринодаре импонировал придиличным и строгим требованиям знаменитого хирурга (19, с. 736).

Три последующие операции состоялись в «Фанагорском военном госпитале». У «рядового Андрея Матюхина» была «отнята голень» из-за «раковидной язвы на пятке правой ноги с поражением костей». В примечании к описанию этого случая хирург, желая передать ощущения солдата, находившегося под наркозом, привел его слова: «Больной, пришед в себя, говорил: «Я вот ждал все, что будут резать и все видел, что народ вокруг меня ходит» (10, с. 334 — 335).

«Рядовой Савелий Потапов» перенес «под кожное рассечение подколенных сухожилий, избавившись от «сведения левого колена после флегмоновой рожи». И вновь примечание: «Скорое и полное анестезирование. Больному чудилось, что он был на родине и пьянствовал со своими земляками» (10, с. 334 — 335). Точно такая же операция (только на правой ноге) была произведена « рядовому Карлу Якубовичу», но исход ее был трагичен: «нагноение в ранах, затеки гнойные, изнурительная лихорадка, омертвление ноги, смерть» (10, с. 336 — 337).

При описании последней операции Н. И. Пирогов не поставил условного значка, свидетельствующего о том, что с больным работала его «команда» (т. е. он сам, профессор П. Ю. Неммерт — его ученик и талантливый хирург и «лекарский помощник Калашников — старший фельдшер 2-го Военно-сухопутного госпиталя»). Это позволяет предполагать, что оперировал кто-то из местных врачей, овладевших приемами анестезирования.

С. Михайлов — современный исследователь пироговского «Отчета...» поясняет, что Н. И. Пирогов в ходе своей поездки «ставил себе обязанностью обучить врачей Кавказского корпуса технике наркоза и содействовать улучшению в местных госпиталях лечебной помощи страждущим» (11, с. 10). С этой целью хирург привез с собой на Кавказ 30 сконструированных им самим аппаратов для введения эфирного и хлороформного наркоза «через дыхание» и «через задний проход». Эти аппараты были для того времени весьма совершенными и удоб-

ным в применении. Н. И. Пирогов имел обыкновение оставлять их в госпиталях, с которыми знакомился в пути, детально инструктируя местных хирургов об использовании таковых. К тому же, там, где операции с наркозом проводились им самим или под его непосредственным руководством, на них обычно присутствовали действующие врачи из соседних госпиталей, не упуская шанса поучиться у знаменитости.

Вполне вероятно, что эти аппараты достались и кубанским госпиталям, а в «Фанагорском» из них нашлись врачи, применившие один из таковых («через дыхание») для операции Карла Якубовича. Смертельный исход операции описан Н. И. Пироговым с существенным замечанием: «Несмотря на сильные боли, крахмальная повязка не была снята», что и привело к летальным последствиям — на «36-м дне после операции» жизнь рядового оборвалаась. Не в этом ли состояла ошибка Фанагорийского доктора, не имевшего возможности получить оперативной консультации от уехавшего в Крым и дальше — на север — Н. И. Пирогова?

Между тем, лестная оценка Н. И. Пироговым «Фанагорского военного госпиталя» заставляет вспомнить его недавнее прошлое. В 1837 г. ссылочный декабрист Н. И. Лорер, заболев, попал в него и воочию наблюдал крайне неблаговидные поступки местного врачебного начальства. Свои впечатления он описал так: «Здесь мне пришлось видеть, как я думаю и во всех местах этого рода, страдание человечества во всех его проявлениях и фазах, но и здесь же, и конечно более нежели где-нибудь, я принужден был наблюдать бесчеловечные поступки и обращение с несчастными страдальцами лазаретного начальства и комиссаров. Что только можно украсть и оттянуть от больного, все то кралось и оттягивалось. К чести юного поколения докторов, могу сказать, что они одни были людьми бескорыстными и почти все знали свое дело медиков и операторов, выпущенных из Виленского университета. Впоследствии их взяли на Восточный берег, и там они погибли жертвой климата.

Видя ежедневно все ужасы смерти и, что еще хуже, страданий и лишений бедных солдат и убийственное равнодушие начальства, я не в силах был более оставаться в стенах госпитальных» (16, с. 248 — 249). Кстати, одна из акварелей И. Иванова, выполненная в 1839 г., изображает фанагорийско-таманский вид, которым любуется раненный в руку и ногу офицер, вышелший на прогулку из госпиталя в сопровождении священника-служителя (17, с. 211).

Есть некоторые основания связывать изменения к лучшему, состоявшиеся в фанагорийском госпитале, с деятельностью известного на Северном Кавказе доктора Н. В. Майера, немало потрудившегося в начале 1840-х гг. над наведением порядка в госпиталях и лазаретах кордонной линии вдоль Кубани (18).

Как бы то ни было, но после поездки Н. И. Пирогова началось быстрое проникновение «эфирования» и в военную, и в гражданскую врачебную практику. В этом свою благородную роль сыграл путь небольшой, но важный опыт, приобретенный хирургом и его помощниками в кубанских госпиталях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Очерки истории Дагестана. Махачкала. 1957.
2. История Дагестана, Махачкала. Т. I. 1966.
3. Виноградов П. Б. Н. И. Пирогов в нашем крае (Чечено-Ингушетия) // Известия. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Т. V. Вып. I. Грозный. 1964.
4. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. Грозный. 1967.
5. Анфимов Н. В., Жерноклеев И. В., Кусый В. А., Юркин Н. Ф. Наш край на уроках истории. Краснодар. 1972.
6. Анфимов Н. В., Юркин Н. Ф., Кусый В. А. История родного края. Краснодар. 1976.
7. Юркин Н. Ф. Край мой любимый. Краснодар. 1976.
8. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. М. 1988.
9. Армавир. Краснодарское книжное издательство. 1983.
10. Пирогов Н. И. Отчет о путешествии по Кавказу. Государственное издательство медицинской литературы. 1952.
11. Михайлов С. Н. И. Пирогов и его труд «Отчет о путешествии по Кавказу». В. кн.: Пирогов Н. И. Указ. соч.
12. См.: например: «Кавказ», 1847, № 42—44, 18, 26 октября, 1 ноября.
13. Геселевич А. М. Летопись жизни Н. И. Пирогова. М. 1976.
14. Юров А. 1844 г. на Кавказе. Тифлис, б. г. п., с 370—371.
15. Басханов А. К., Басханов М. К., Егоров Н. Д. Линейцы. Очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области // Вольная Кубань, сентябрь 1992 г.
16. Трудные годы. Декабристы на Кавказе. Краснодарское книжное издательство., 1985.

17. По лермонтовским местам. Второе, дополн. издание. М. 1989.
18. Вишградзе В., Чернова Л. «Отмечен совершенным бескорыстием...» // Свет маяков. 18 октября 1992 г.
19. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. П. Ека. тернодар (Краснодар), 1913 (1992).

НАШ ЗЕМЛЯК — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭФИОПИИ

Порою бывает так: не место славит человека, а именно он сам — уроженец конкретного населенного пункта — заставляет с уважением и гордостью поминать его малую родину. Так произошло и в данном случае!

Одно из популярных краеведческих изданий сообщает: «В Форштадте, на улице Октябрьской, там, где ныне стоит дом № 21, находилась деревянная изба, в которой жила семья капитана крепости Прочный Окоп Федора Машкова. 17 ноября 1858 года у супругов родился сын Виктор, впоследствии известный путешественник по Африке и дипломатический работник. В 1889 — 1891 годах В. Ф. Машков совершил два больших путешествия в Эфиопию, затем опубликовал очень интересные и содержательные в научном отношении материалы. В далекой Эфиопии не забыли нашего земляка, его имя занесено в «Словарь биографий эфиопистов», изданный в Аддис-Абебе» (1, с. 23).

Мы не станем касаться в этом небольшом очерке биографии В. Ф. Машкова и деталей его путешествий, так как давно уже есть специальная и достаточно доступная литература, посвященная этим вопросам (2; 3). Рядом с нею нужно упомянуть ценный машинописный труд армавирского краеведа Б. Л. Выродова «Один из первых путешественников в Эфиопию — кубанец В. Ф. Машков», написанный в 1958 г. и хранящийся в фондах местного краеведческого музея. В нем много интересных биографических подробностей.

Отметим, однако, наш земляк относился к числу тех путешественников, которые хотя и не являлись профессиональными специалистами по географии и этнографии, но были «весьма серьезными исследователями» (4, стр. 61). На фоне наиболее признанных авторитетов российской африканистики В. Ф. Машков воспринимается сегодня как «автор... второстепенный в смысле объема и цельности собранных им научных материалов» (5, стр. 98), чтоисколько не уменяет реально-

го значения его многочисленных и всегда проблемно-дискуссионных докладов и ряда крупных публикаций (некоторые их под псевдонимом В. Федоров), среди которых основные — пространная (с 5-кратным продолжением) статья «Путешествие в страну черных христиан в 1891 — 1892 годах» (6) и опубликованный текст доклада о поездке в «Абиссинию» (иное название Эфиопии), помещенного в самом престижном издании Императорского Географического общества (7), и небольшая монография «Абиссиния. Историко-географический очерк», опубликованная в Санкт-Петербурге в 1889 г. (по свежим следам первой поездки). В них, в частности, давалась обзорная карта Эфиопии, существенно уточненная самим В. Ф. Машковым. А собранная им (самая ранняя по времени) этнографическая коллекция находится в Музее антропологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и по признанию нашего консультанта ведущего научного сотрудника Института этнографии РАН, доктора исторических наук С. Я. Козлова «все еще далеко до конца не изучена». И это несмотря на то, что в 1950 году в Москве М. В. Райт была защищена специальная кандидатская диссертация «Русские экспедиции в Эфиопии в 19-м — нач. 20-го века и их этнографические исследования», уделяющая В. Ф. Машкову много места.

Для того, чтобы составить себе хотя бы относительное представление о заслугах уроженца Форштадта в становлении российской африканистики, приглашаем читателей познакомиться с некоторыми извлечениями из недавнего академического сборника научных трудов «Изучение Африки в России (дореволюционный период)», (8, стр. 61, 77, 98 — 99, 117 и др.).

Современные продолжатели дела В. Ф. Машкова подчеркивают чрезвычайную удачность выбора им времени своего путешествия. Эфиопия привлекала к себе в те годы всеобщее внимание в связи с активной политикой ее императора Менелика II, препятствовавшего западноевропейским державам подвергнуть страну той же колониальной участи, которую испытывали соседние с ней территории. И хотя в 1885 — 1890 годах Италия захватила северную часть этой страны — Эритрею, но спустя небольшой срок, Эфиопия не только остановила итальянские войска в их продвижении на юг, но и нанесла им сокрушительный удар в битве при местечке Аду.

Россия занимала дружественную позицию в отношении Эфиопии, что и создавало благоприятные предпосылки для поезд-

док туда наших соотечественников, в том числе и В. Ф. Машкова, оказавшегося в числе первых, кто посетил этот опасный и ранее почти неизвестный уголок «Черного континента». Пройдет 20 лет — и великий русский поэт Николай Гумилев, ознакомившись с трудами африканцев (включая В. Ф. Машкова), вторично побывает в Африке, достигнув Адис-Абебы — столицы давно мавританской Эфиопии. На основе фольклорных мотивов он создаст цикл стихов, среди которых заметное место занимают «Абиссинские стихи» (9, стр. 86 — 88, 127 — 130), передающие атмосферу злешней борьбы:

...От куста к кусту переползайте,
Как ползут к своей добыче змеи,
Прыгайте стремительно с утесов — .
Вас прыжкам учили леопарды.

Кто добудет в битве больше ружей,
Кто зарежет больше итальянцев,
Люди назовут того ашкером
Самой белой лошади негуса...

Это — «Военная песня»... А рядом — «Невольничья»:

Слава нашему хозяину-европейцу!
У него такие дальнобойные ружья,
У него такая осткая сабля
И так больно хлещущий бич!

Слава нашему хозяину-европейцу!
Он храбр, но он недогадлив:
У него такое нежное тело,
Его сладко будет пронзить ножом!

Эта почти фатальная несовместимость, бескрайняя воинственность, героика отпора чуждой, навязываемой силой цивилизации не могли не напомнить сыну капитана Отдельного Кавказского корпуса, служившего в крепости Прочный Окоп, рассказы отца, собственные (отнюдь не стершиеся к 32 годам) детские впечатления, научно-журнальную историческую информацию о драматических и тревожных событиях середины XIX века, тогда на Кубани шла «своя война» и закубанские народы, подстрекаемые религиозными и феодальными лидерами, долго и беззаветно проливали собственную и чужую кровь, отстаивая независимость и «особность» (как любил писать А. И. Герцен), (2, стр. 161 — 172).

Идеалы борьбы абиссинцев находили отклик в душе русского путешественника, побуждали его к стремлению рассказать миру о жизни и культуре этих трудолюбивых и свободолюбивых, почти никому не ведомых африканцев! Не случайно труды Виктора Федоровича так богато и разнообразно иллюстрированы мастерски сделанными фотографиями (большой набор копий с них хранится в фондах Армянского краеведческого музея). Не случайно и то, что далекий от изящной словесности Машков пытался сам записать и перевести произведения поэтического фольклора абиссинцев.

Вот один из образцов такого рода, разысканный в его архиве М. В. Райт:

Не сильным быком и не острой сохой
Пахали год этот наши поля, —
Вскопали мы землю рукой безоружной,
Пощады у гневного бога моля.

Среди неустанной работы
Вставала и гасла златая заря
Копали без устали землю
И старец, и дева, и даже дитя,

Но труд был напрасен.
Засеяли пашни не дуррой златистой —
Родные, друзья и враги там лежат
И вместо колосьев на ниве волнистой
Угрюмо могильные камни стоят.

Не тем взошли нивы, чем ждали,
Богато лишь хлопок родился в долине,
Но некому пряжу сбирать.
Он сыплет свой пух, и лишь ветер в пустыне.
Хлопочет его убирать!..

В. Ф. Машков в 1891 году двигался от Джибути к Адис-Абебе по южной окраине суровой Данакильской пустыни, через Харар. Это позволило значительно расширить и уточнить географические представления об Эфиопии, бытовавшие в нашей стране.

В конце XIX века в Восточной Африке работала целая плеяды российских ученых (В. В. Юнкер, А. К. Булатович, Л. С. Ценковский, Н. И. Бровцын, Л. С. Перфильев). Сведения, добывавшие ими, как и нашим земляком, взаимно дополняли и проверяли друг друга. Вот лишь один пример.

В. Ф. Машков вложил много сил в этнографическое изучение таких крупных абиссинских племенных групп, как галла, итуу, аруси. Он собрал ценнейшие сведения о расселении, происхождении, хозяйственных занятиях, особенностях быта и социальной организации этих обитателей Эфиопии; много внимания уделил их «внутренним» взаимным связям, а также отношениям с внешним окружением. Путешественник первым заметил и объяснил те существенные различия в культуре, которые определялись развитым хлебопашеством одних и ремесленным производством других. Очень ценные оказались его наблюдения и путевые записи, касающиеся народа по имени «данакиль», что ставится ему в заслугу африканистикой до сих пор.

Последнее объясняется тем, что и сегодня еще далеко не разработаны в должной мере проблемы глубинного единства и различия эфиопов и сомалийцев. Близкородственные народы отличаются друг от друга прежде всего характером хозяйства (соответственно — земледельцы, живущие оседло, и кочевые скотоводы) и вероисповеданием (христиане и мусульмане). В. Ф. Машков собственными прытвыми глазами наблюдал один из исторических отрезков этого «размежевания», в том числе и процесса исламизации, распространявшейся со стороны арабов. Так, российский африканист первым отметил, что «данакиль» официально исповедует ислам, а на самом деле имеют о нем весьма смутное представление».

Специфика русско-эфиопских контактов в конце XIX века определяла то, что В. Ф. Машков, как и большинство его коллег, главное внимание обращал на военно-политические грани увиденного в Эфиопии (включая и вопросы административного устройства). Наибольший интерес представляют те материалы, которые указывают на военно-феодальный характер государства Менелика II. В этом смысле важнейший вывод, сделанный А. К. Булатовичем (10, с. 140) в 1897 году («В тесной связи с военной организацией находится все внутреннее управление в государстве»), существенно питался той информацией, которую представил науке В. Ф. Машков, наблюдавший эти явления общественной жизни эфиопов на несколько лет раньше.

Не вдаваясь в иные подробности и адресуя заинтересовавшихся к специальной этнографической и географической литературе, заметим в завершение, что имя африканиста с берегов Кубани В. Ф. Машкова навсегда вписано в историю отечеств-

венной науки, которую он весьма достойно представлял в дальней, тогда еще очень таинственной Африке.

...После своих абиссинских странствий В. Ф. Машков немало еще поколесил и поплавал по свету. Он побывал на Ближнем Востоке (Ирак, Сирия), в Египте, в далкой прекрасной Индии, где не только удовлетворял свою любознательность, но и выполнял дипломатические поручения. Несколько раз приезжал в родной Форштадт, где всегда был желанным гостем и не скучился на рассказы о своих богатых впечатлениях.

Дальние дороги, физические тяготы и душевные переживания, немалые, наконец, опасности и личный риск подорвали смолоду здоровье Виктора Федоровича: чем дальше, тем больше он болел, отдаляясь от активной научной и общественной жизни. После 1910-х годов, к сожалению, след его теряется... И до сих пор, несмотря на все старания и разнообразные поиски краеведа Б. Л. Выродова, не установлены ни дата, ни обстоятельства смерти нашего замечательного земляка. Можно только предполагать, что он не дожил до бурных событий 1917 го и последующих годов, которые повергли всю страну и его родину — раздельную Кубань — в гущу очередной, самой страшной — гражданской — войны...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Армавир. Краснодарское книжное издательство, 1983.
2. Забродская М. Н. Русские путешественники по Африке. Москва. 1955.
3. Канцельсон И., Терехова Г. По неизведанным землям Эфиопии. Москва. 1975.
4. Горунг М. Б., Олейников И. Н. Географическое изучение Африки в России//Изучение Африки в России. Москва: Наука. 1977.
5. Куббель Л. Е. К истории этнографического изучения Африки в России//Там же.
6. Машков В. Путешествие в страну черных христиан в 1891—1892 годах//Новое время. Санкт-Петербург. 1893, № 6069, № 6076, 6095, 6102, 6136.
7. Машков В. Доклад о путешествии в Абиссинию//Известия Императорского Российского Географического общества. 1897. Т. XXXIII, вып. 5.
8. Изучение Африки в России (дореволюционный период). Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1977.
9. Гумилев Николай. Избранные. Москва: Просвещение. 1990.
10. Булатович А. К. От Энотто до реки Баро. Отчет о путешествии в юго-западные области Эфиопской империи в 1896—1897 гг. Санкт-Петербург. 1897.
11. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в.—1917 г. Москва: Наука, 1988.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Итак, вами прочитано первое краеведческое пособие, посвященное некоторым страницам дореволюционной истории Средней Кубани. Следует помнить и учитывать, что это — именно «некоторые страницы» из многих, вполне уловимых для подготовленного взгляда. Авторский замысел в ходе его реализации побудил сконцентрировать внимание на темах малораскрытых, слабоизученных, дискуссионных. И не случайно большинство глав этой книги служит раскрытию далеко не одномерных исторических личностей, оставивших заметный след в местной истории как части славного, героического и трагического одновременно прошлого нашего Отечества. До недавнего времени именно «исторические лица» больше всего проигрывали (даже страдали!) в любых попытках освещения долгого и многотрудного пути, который прошли народы Российской державы.

Вполне естественно, что пособие вызовет вопросы, желание глубже узнать историческое наполнение отдельных затронутых сюжетов или даже познакомиться с проблемами, оставшимися за рамками нынешнего изложения. И заинтересованность широких слоев читателей (учителей, студентов, школьников) позволит правильно спланировать последующие «исторические маршруты», населенные фактами, событиями и людьми, — главными героями всех прожитых этапов отечественной истории.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям!	3
Тайны минувших времен (в соавторстве с Е. И. Нарожным)	4
«Курган разрыт...»	5
На крутом берегу	10
Народы, земли, карты	12
«...Потери возмещать сторицей!»	18
С чего начался Армавир	23
«К благодеянию Отчизны...»	27
«Видел я берега Кубани...» (в соавторстве с Л. Н. Черновой и Л. А. Шеретюк)	34
Двадцать лет спустя	43
«Сын Кавказа — в рядах писателей»	48
«Отступления со мной нет, не было и не будет...»	53
Поездка в Армавир?	66
«Отмечен совершенным бескорыстием...» (в соавторстве с Л. Н. Черновой)	72
Памфлет под псевдонимом (в соавторстве с А. В. Виноградовым)	76
Изломанная судьба	83
Н. И. Пирогов на кубанских берегах (в соавторстве с П. Б. Виноградовым и С. В. Прастовой)	88
Наш земляк — исследователь Эфиопии	96
Вместо заключения	102

Сдано в набор 18.01.93. Подписано к печати 06.05.93. Формат бу-
маги 60x84/16. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Высокая
печать. Усл. печ. л. 6,04. Уч. изд. л. 6,08. Тираж 1000. Заказ № 1266.
Бесплатно.

АИПП департамента печати и информации администрации Красно-
дарского края, г. Армавир, ул. Комсомольская, 123.